V. РЕЦЕНЗИИ

А. В. Смолин

«ОСЕТРИНА ВТОРОЙ СВЕЖЕСТИ»

К выходу «Кртического словаря русской революции: 1914 – 1921 / Составители Э. Актон, У. Г. Розенберг, В. Ю. Черняев. Нестор-История СПб.: 2014. – 768 с.

ISBN 978-5-4469-0360-3

Работа выполнена при поддержке гранта СПбГУ: От национальных государств к единой Европе: проблемы европейской интеграции в XIX–XXI вв., шифр в ИАС: 5.38.275.2014, руководитель В.Н. Барышников.

Русская революция – явление эпохальное. Она привлекала к себе внимание различных общественных сил и историков, как в России, так и за рубежом. По своему значению её можно поставить в один ряд с Великой Французской революцией, по тому значению, какое она оказала на мировую историю. Естественно, что появление русского издания Критического словаря в преддверии столетнего юбилея Русской революции вызывает повышенный интерес.

Издание словаря задумывалось в начале 90–х годов американскими и российскими историками. Это было время, когда Советский период российской истории и в частности русские революции не изучались, а подвергались поношению в стиле евангельского рассказа о Христе, когда толпа кричала : «распни, распни Его». Хотя и на сегодняшний день, на книжных прилавках полно работ, не исследующих этот период, а осуждающих его. В английском варианте словарь появился в 1997 г. И естественно, что он нёс на себе отпечаток времени, в которое он создавался.

Только в 2014 г. книгу объёмом почти в 800 страниц опубликовали в русском варианте. С момента выхода английского издания прошло целых 17 лет. За это время было опубликовано много новых документов,

© Смолин А. В., 2015

которые ещё должным образом не введены в научный оборот. Вышло много, сделанных на хорошем профессиональном уровне путеводителей по архивам, что значительно облегчает поиск документов, за что можно высказать большую благодарность российским архивистам. И простой информацией, о том, что в том или ином архиве хранятся, те или иные документы никого не удивишь.

Товар же, который предложили российскому читателю в 2014 г. оказался, как известная осетрина в романе М. Булгакова « Мастер и Маргарита», второй свежести. А за это время можно было написать действительно, что-то новое и высокого качества, но для этого надо сидеть в архивах и библиотеках, а это дело хлопотное и не прибыльное.

По словам автора предисловия к русскому изданию Критического словаря В. Ю. Черняева оно является, по сравнению с зарубежным исправленным и дополненным: « Авторы внесли исправления и уточнения в свои статьи, а некоторые переписали заново с учётом новейших исследований и ранее неизвестных исторических источников. Дополнены списки рекомендуемой литературы». Хотелось бы знать, что принципиально нового внесли авторы, и какие статьи были переписаны и почему. Действительно в списках литературы появились названия публикаций 2000-х годов, но суть написанного, на мой взгляд, они не изменили. Вообще было бы целесообразно сделать перевод с английского варианта 1997 г. и тогда бы это был бы историографический факт, по которому можно было судить, о том, как представляли себе события русской революции историки в 90-е годы.

В. Ю. Черняев также пишет, что издание представляет собой «систематизированный свод аналитических статей, взаимосвязанных и дополняющих друг друга. Он рассчитан как на сквозное прочтение, так и на использование как научно-справочное издание» (17). Однако любая аналитика должна опираться на твёрдый фундамент фактов, а не на постулат, а я так вижу. Для сквозного чтения эта книга не пригодна. Она слишком разнородна по стилю и примитивна по содержанию. Читать её просто скучно. В предисловии к словарю также говориться, что авторов издания «объединяет желание не судить, а понять прошлое», в действительности всё как раз наоборот.

Главная идея представленного издания это неприятие большевиков и их вождя В. И. Ленина, Советской власти и революции. Удержаться у власти большевики, по мысли авторов словаря, могли только путём применения насилия над тёмным ничего не понимающим народом. Такой

уровень аргументации, возможно, сойдёт для дикарей, у которых просвещённые европейцы выменивали золото на стеклянные бусы, а для людей воспитанных на пушкинской культуре, такой подход не пригоден. Если конечно, не стремиться сделать их дикарями, хотя движение в этом направлении уже наметилось.

Использовать словарь в качестве справочника представляется нецелесообразным, поскольку он содержит мало информативного материала, а больше рассуждений, не основанных на фактах, при этом статьи не свободны от фактических ошибок.

Статьи любого справочного издания должны иметь однородный принцип построения (определённый формуляр), в данном издании этот принцип отсутствует, что превращает словарь в тематический сборник статей. Причём одна из статей названа главой. По-видимому авторы взяли материал из своей старой книги и забыли поменять название раздела (644). В одних статьях присутствует историографический разбор литературы, разной степени подробности, в других он полностью отсутствует. Например, в разделе «Национальный вопрос и областничество». Структура словаря, как и структура статей не продумана. Если данное издание названо словарём, то оно и должно быть выдержано в этом жанре. А иначе получается как в известной сказке А. С. Пушкина : «Родила царица в ночь

Не то сына, не то дочь;
Не мышонка не лягушку,
А неведому зверюшку».

Следует отметить, что советское и постсоветское время были отмечены выходом первоклассных справочных изданий. В частности, в 1993 году вышел биографический словарь «Политические деятели России 1917» под редакцией академика П. В. Волобуева, в котором через биографии более чем 300 персоналий были прослежены основные направления общественной мысли и представлены варианты действий различных политических сил на территории многонационального государства. На мой взгляд, данное издание показывало, как надо спокойно, без эмоциональных перехлёстов изучать историю русской революции, чего не достаёт авторам «Критического словаря», которые в своём большинстве, так и не смогли преодолеть антикоммунистические штампы западной советологии.

Вызывают вопросы и списки литературы, приложенные к статьям. Они говорят о недостаточном уровне знакомства с русской научной лите-

ратурой у зарубежных авторов и пристрастности в её отборе. Значительным справочным материалом обладает именной указатель участников событий с краткими биографическими справками, профессионально составленный В. Ю. Черняевым.

Авторам словаря следовало также определится и с рядом используемых понятий. Так, термин «Советская империя», данный журналистами, попал и в научный оборот, но мало что общего имеет, как с Российской, так и с Британской, Французской и другими колониальными империями. Следует также уточнить, что вкладывается в понятие «радикалы-энтузиасты», «политический активизм» и ряд других терминов. Следует пояснить, что означает понятие «средний класс» при сословном делении в России.

В дальнейшем обсуждении нуждается и периодизация Русской революции, заключённая в рамки 1914 – 1921 гг. Авторы словаря в основном сосредоточились на освещении событий, начиная с февраля 1917 г. по 1921 г. Период с 1914 по Февраль 1917 г. оказался практически обойденным. Таким образом, авторам не удалось показать влияние Первой мировой войны на революцию в России. В свое время, английский историк и социолог Т. Шанин назвал свою книгу о русской революции «Революция как момент истины 1905 - 1907 – 1917 - 1922 гг.». И в этом имелся определённый смысл. Поскольку все основные персонажи 1905 года оказались на сцене в 1917 г. Только вот уроки из прошлой революции её участники извлекли разные. 1922 г. также вполне логичен как год окончания Гражданской войны на Дальнем Востоке, именно в этом году стали ощущаться первые результаты НЭПа.

В вводной статье, написанной Э. Актоном, говорится, что «Этот том задуман как понятный широкому читателю» (с. 22). Однако автор не поясняет, какому читателю американскому или русскому, а между ними лежит пропасть. А может авторы хотели довести русского читателя до уровня широкого американского читателя. Следовательно, мы имеем дело не с научным изданием, а с популярным «критическим» изложением истории русской революции для жующего гамбургер и запивающего кока-колой американца. Однако авторы Критического словаря не забыли и про русского читателя. По их мнению: «Для российских учёных и студентов он [словарь – *А. С.*] станет проводником и введением в недавние и текущие зарубежные работы» (с. 23). Таким образом, российским учёным и студентам предлагалось учиться на данном издании. Правда, только чему? Если судить по сноскам в книгах советских и российских

учёных, то они всегда достаточно внимательно следили за иностранной литературой, тем более, что в библиотеках Москвы и Ленинграда, наиболее значимые зарубежные публикации, как правило, имелись.

Тогда встаёт вопрос, а почему же следует обращаться к западной историографии? Ответ на него даёт всё тот же профессор Э. Актон: «Семь десятилетий жёсткое и тенденциозное толкование революции ограничивало советских историков узкими основными направлениями» (с. 24). С таким толкованием советского периода вряд ли можно согласиться.

В 20 – начале 30-х годов выходило достаточно много объективных трудов посвящённых русской революции и гражданской войне. Издавался редкий по уровню публикации исторических источников журнал «Красный архив». Изданием источников занимались такие журналы, как «Летопись революции», «Пролетарская революция», «Историк марксист», « Красная летопись», « Каторга и ссылка», на страницах которой до середины 30-х годов публиковались представители партий меньшевиков, эсеров, анархистов.

Действительно, с середины 30-х до середины 50-х годов наблюдалась примитивизация в толковании революционного процесса. Однако и последующий этап, яркими представителями которого были московские историки Э. Н. Бурджалов П. В. Волобуев, а также замечательная плеяда ленинградских историков О. Н. Знаменский, В. И. Старцев, Г. Л. Соболев, Ю. С. Токарев, Х. М. Астрахан, появилась не на пустом месте. Для того чтобы писать и публиковать новаторские работы надо было сидеть в архивах и библиотеках, воспринять и переработать всё, что было написано до тебя и двигаться дальше, а не рассуждать на тему, что кто-то мешает тебе работать.

В 50-е годы выходит многотомное фундаментальное исследование «Революционное движение в России», которым пользуются, все уважающие себя исследователи и по сей день. Именно к 50-летию Октября коллектив ленинградских учёных опубликовал двухтомное исследование «Октябрьское вооружённое восстание (семнадцатый год в Петрограде), ставшее этапным в изучении русской революции. И не потерявшее, интереса и сегодня. К сожалению, по независящим от авторов причинам, из него уже на стадии корректуры, была исключена глава, посвящённая историографии изучаемого вопроса, написанная В. И. Старцевым и О. Н. Знаменским. Позже появляются работы Н. Г. Думовой, Г. З. Иоффе, В. Д. Поликарпова,

М. И. Светачева, Л. М. Спирина и других историков основанные на изучении архивного материала. В связи с этим изображать советскую историческую науку, как некую серую шеренгу идущую строем, это очередное проявление модной нынче теории тоталитаризма, но реальная жизнь многообразнее придуманных в тиши кабинетов схем, особенно в такой стране, как Россия.

Стараясь показать научность представленного издания, Э. Актон пишет: «За каждой строкой «Критического словаря» стоят тщательные исторические исследования, старательный сбор доступных источников – архивных и опубликованных, государственных и личных, официальных и нелегальных, военных и гражданских, политических и общественных, экономических и культурных, столичных и провинциальных, русских и не русских, сохранённых в пределах павшей империи и рассеянных вместе с эмиграцией» (с. 23). Вообще-то, уважаемому профессору следовало знать, что источники делятся по видам, а не так, как кому-то захочется. Однако это простительно для американского профессора, поскольку в американских университетах источниковедение не преподают, очевидно, за ненадобностью, главное это общий взгляд, а не копание в источниках. В то же время в советских и российских университетах, где готовили историков, такой предмет являлся обязательным, в результате чего советская и российская академическая наука, несмотря на идеологическое давление, высоко держала планку исторических исследований. Можно не соглашаться с рядом оценок и выводов, сделанных в этих работах, но нельзя пройти мимо введенного в научный оборот доброкачественного, выверенного материала, исторических источников. Неплохо также помнить, что советская историческая школа выросла на почве русской исторической школы и традиции критического отношения к источнику сохранялись и в советское время. Правда, нынешние реформаторы, от образования из кожи вон лезут, чтобы подогнать русско-советские стандарты исторического образования под якобы передовые американские.

Первоначальная цель публикации, по-видимому, состояла в том, чтобы научить относительно молодых советских историков (авторов словаря), тому, как надо изучать Русскую революцию. На эту мысль наводит состав авторского коллектива. Из 48 авторов только 8 являлись гражданами России, 21 представляли США, 14 Англию, 2 Канаду, 2 Италию и один Израиль. Естественно, что стереотипы, сложившиеся у западных коллег во время «холодной войны» не могли исчезнуть в одночасье, тем более, что российские архивы, на тот момент только начинали откры-

ваться и чтобы найти новые материалы предстояло много потрудиться, гораздо проще было использовать прежние наработки.

Думается, что продолжение стереотипов «холодной войны» сказалось и на формировании авторского коллектива. Иначе чем можно объяснить тот факт, что в коллектив авторов не попали такие «зубастые» историки как В. И. Старцев, Г. Л. Соболев, В. Логинов, Г. З. Иоффе, В. Д. Поликарпов и ряд других. Их присутствие нарушило бы благостную картину «критики» Русской революции.

Не завидными были 90-е годы и для российских историков. Крушение Советского Союза и « Устранение злого духа марксизма-ленинизма» привело не к победе социал-демократических ценностей западного образца, как надеялись некоторые, а к воспеванию монархии, православия, махровому обскурантизму, защите консервативных ценностей в лице чёрной сотни. Снова стали популярны теории заговоров. Новое рождение приобрели «Протоколы сионских мудрецов», что вызвало даже некоторую оторопь у либеральных западных коллег, которые никак не ждали поворота вправо (с. 29).

И сразу же появились историки, выполняющие правый заказ, топчущие всё советское, воспевающие Россию, которую мы потеряли. 70 лет Советской истории, вместо изучения превратили в предмет поношения. Место народа, творца истории заняла «изъездившаяся» элита, но на телеге монархизма, как, ни старайся, а в XXI век, если и въедешь, то далеко не ускачешь.

Модными стали темы борьбы с Советской властью, красного террора, но как-то ушёл на задний план террор белый. Революционному движению присвоили знак минус, а борцы с самодержавием стали отъявленными террористами. Русская эмиграция превратилась в соль земли, а белые генералы, пролившие немало кровушки рабочих и крестьян, переместились в серию «Жизнь замечательных людей». Тем, у кого руки были по локоть в крови, стали возводить памятники, реабилитировать посмертно, а перезахоронения высокопоставленных костей превратилось в ритуальное священнодейство.

К тому же в России 90-х гг. в качестве учебников для вузов стали рекомендовать и издавать Н. Верта «История Советского государства 1900 – 1991», правда, вскоре пришлось выпускать второе издание, поскольку в первом ошибка сидела на ошибке. Если в западных университетах историю изучают по Верту или «Истории Советского союза» Д. Боффа, то тогда не приходится удивляться тем историкам «профес-

сионалам», которые выходят из этих университетов. Затем появились труды Р. Пайпса о русской революции, являвшие собой образец западной идеологической стряпни, основанные не на тщательном анализе фактов и поиске исторических источников по истории русской революции, а на её неприятии. Из западной исторической литературы в России публиковалось то, что отвечало умонастроению тогдашней российской правящей элиты. А её кумирами были А. Пиночет, М. Тэтчер, Р. Рейган, а в России царская семья, Распутин, крайне правые деятели православной церкви, общественные деятели консервативного толка, белые генералы, царские чиновники, то есть все те, кто смотрел не вперёд, а назад.

В это время из названий улиц в Ленинграде исчезли имена А. И. Герцена, Н. В. Гоголя, Н. Е. Салтыкова-Щедрина, М. Горького, Г. В. Плеханова и других не менее достойных представителей русской культуры. Под вроде бы безобидной формулой возвращения к старым топонимическим названиям шёл и идёт процесс идеологического наступления на представителей русской культуры и общественной мысли, а значит и на саму русскую культуру. Зато, на некотором удалении от памятника Н. В. Гоголю, на улице Малой Конюшенной, а до этого Софьи Перовской, появился памятник жандарму, как символ новой демократической и либеральной России.

В связи с тем «плюрализмом», который произрастает на страницах современных российских изданий по истории, мы вправе были ожидать спокойного рассудительного основанного на глубокой проработке источников изложения исторических событий в «Критическом словаре». Что же мы получили в результате?

Одним из интерпретаторов русской революции в «Критическом словаре» выступил У. Розенберг. В его понимании «Русская революция, по сути, была огромной социальной травмой», а если это так, то требуются лекарства и западные врачи. Возможность преодоления упрощенческих тенденций « демонизации и триумфализма, характерные для всей советской историографии того периода и для значительной части западных работ» Розенберг видит в рассекречивании архивов (с. 36). Однако никакие архивы не помогут, если в голову уже вставлен органчик, который вещает, что революции это трагедия, а не «локомотивы истории» и во всём виноваты большевики. Если Розенбергу уже известно, что Гражданская война возникла « из хорошо известного стремления Ленина и большевиков к власти» (с. 37), то и в архивы ходить незачем, сиди и

пиши. Тем более, что всё ясно большевики и В. И. Ленин это беззастенчивые манипуляторы, которые особенно ловко демонизировали врагов.

В условиях России никого не надо было демонизировать или натравливать друг на друга. Вспомним хотя бы содержание письма Ваньки Жукова, из рассказа А. П. Чехова, которое он писал на деревню дедушке и его слова « а она (хозяйка – *А. С.*) взяла селёдку и ейной мордой начала меня в харю тыкать» и когда вот такие Ваньки Жуковы взяли в руки винтовки, вот тут-то и начались вопли о жестокости, а раньше, чем может кончиться это тыканье, естественно никто и не думал. В февральско-мартовские дни 1917 г. в Кронштадте часть офицеров посадили в тюремные казематы, где раньше сидели проштрафившиеся матросы, для того, чтобы они прочувствовали на своей шкуре, на какие муки господа офицеры отправляли подчинённых. И сколько слёз пролила тогда либеральная пресса, негодуя по поводу матросской жестокости. А до этого поглядеть в лицо «серой скотинке» никто не удосуживался. Об этом с сожалением уже в эмиграции писал А. И. Куприн в рассказе « Извощик Пётр»: «может быть, одна из наших тягчайших вин та, что мы никогда не удосужились поглядеть в лицо извощика, разнощика, конюха, землекопа, каменщика, банщика и так далее, хоть и ехали на их спинах».

В своих рассуждениях о государстве Розенберг исходит из того, что назначение демократических государств не принуждать, а выступать посредником между сторонами в споре. И для 1917 г. он предлагает следующий рецепт: « единственная возможность сохранить в 1917-м демократическое правление требовала, чтобы государство играло роль посредника в социальном конфликте, а не обостряло его, и приспосабливалось к народным чаяниям и порождаемым ими радикальным социальным переменам, а не оспаривало их. Короче говоря, революционное государство должно было представлять себя и восприниматься как народное, необходимое и заслуживающее защиты» (с. 47 – 48).

Конечно, если забыть про классовую сущность государства, как про страшный сон, то можно мыслить и такими категориями, но как не высыпай тонны пудры на классовые противоречия и как политкоректно их не называй, а всё равно они останутся классовыми. И Гражданская война, как ни крути, была и будет высшей формой классовой борьбы. И никому в истории не удавалось ещё антагонизм превратить в классовую войну, таким фокусником не был ни В. И.Ленин, ни партия большевиков. Говорить о том, что «большевизм с особым рвением толкал конфликт в состояние войны, превращал антагонистов во врагов» вряд ли правомер-

но. Войну могли желать только дураки, для нормальных людей нужен, прежде всего, мир и большевики показали, что они хотят мира, заключив « несчастный» и «похабный» Брестский мир.

В 1917 г. массы были гораздо левее большевиков, и их порывы приходилось сдерживать. При этом надо помнить, что в 1917 г. и после Вооружённого восстания в Петрограде и образования правительства, большевики не обладали всеобъемлющей властью в стране. В связи с этим и установить полный контроль над рабочими и крестьянами они были просто не в состоянии и то, что не все рабочие и крестьяне поддерживали большевиков, в этом тоже нет ничего удивительного. Эти два класса являлись достаточно неоднородными, тем более в условиях такой крестьянской страны, каковой являлась Россия. По-видимому, не случайно в поле зрения авторов словаря не попала книга З. Л. Серебряковой «Областные объединения Советов России, март 1917 – декабрь 1918 г.». Не только из этой монографии, но и из другой литературы и источников известно, что центральное правительство в Москве очень условно могло контролировать местные власти в провинции. В связи с этим оно пошло на образование такой децентрализованной формы управления, какими стали областные объединения Советов.

Весьма спорным является утверждение Розенберга о том, что для большевиков задачи государственного строительства оказались гораздо проще, чем для белых, поскольку грубая сила определяла чёткий набор решений (с. 49). Что касается грубой силы, то белым её было не занимать, и никакого смягчения насилия и подавления, их власть не принесла. За красными, не смотря на всю их жёсткость, широкие массы шли потому, что они видели в ней свою власть и за барином идти не желали. Победа красных в Гражданской войне, прежде всего, достигалась тем, что они имели массовую поддержку, которая основывалась на их социальной и национальной политике. Белые являли собой вчерашний, если не позавчерашний день военно-феодальной Российской империи.

Второй раздел тома называется «Революция как событие» и состоит из ряда статей, которые охватывают в хронологическом порядке период с 1914 по 1921 г. и являются весьма разными по своему научному уровню. Статья Д. Ливена о России в Первой мировой войне смахивает скорее на раздел школьного учебника, чем на статью в научном издании и не одна она. Следует заметить, что большевики, вообще-то, занимались не пацифистской пропагандой, а антивоенной агитацией и в этом основное различие. Да к тому же в статье, претендующей на научность недопу-

стимо сослагательное наклонение «Если бы большевики в 1917-м проявили готовность…» (с. 58). По мнению автора, заключая Брестский мир, В. И. Ленин оказался прав в краткосрочной перспективе, но в долгосрочной перспективе он имел тяжёлые последствия, поскольку союзники в Версале заключали мир за счёт бывшей Российской империи.

Следует отметить, что большевики преуспели в главном, они сохранили советскую власть в стране, укрепили экономику и обороноспособность, а затем присоединили к СССР территории, отторгнутые по Парижскому мирному договору. Взгляд автора в предвоенные 30–е годы вообще к науке никакого отношения не имеет и представляет собой весьма легковесную публицистику.

Статья Ц. Хасегавы, известного на Западе и в России историка Февральской революции, производит хорошее впечатление, но она не несёт, новой информации по сравнению с тем, что он писал до этого. Зато Хасегава, знакомит читателя с некоторыми соображениями своих коллег на Февральскую революцию. Так, он приводит, на наш взгляд, достаточно спорное мнение М. Кимитака, согласно которому царское правительство сумело «создать систему военной мобилизации, вполне способную выдержать три года войны». И оказывается, что фатальным была не беспомощность правительства, а то обстоятельство, что оно не сумело согласовать интересы конкурентов. Таким образом, классовая сущность государства заменяется его ролью, как инструмента по согласованию интересов. Суть проблемы заключалась в том, что полуфеодальная экономика России не выдержала напряжения войны в сравнении с передовыми экономиками западных держав. И по этому вопросу существует немало первоклассных исследований советских учёных. И крах Германии последовал также во многом по экономическим причинам.

В вопросе о стихийности восстания в Петрограде, Хасегава ссылается на мнение Д. Лонгли о надуманности этого вопроса в советской историографии, который также предлагает датировать, восстание не с демонстрации работниц 23 февраля, а днём раньше, когда началась забастовка рабочих Путиловского завода.

К новаторским работам Хасегава отнёс работу Д. Ньюбергер о хулиганстве и поддержал её вывод, что «хулиганские действия надо рассматривать, как часть революционного движения». По мнению Хасегавы, «пристальное изучение архивных свидетельств выявляет многочисленные упоминания хулиганства демонстрантов, особенно женщин и молодёжи, они били витрины, уносили товары и прекрывали трамвайное дви-

жение». Если речь идёт о полицейских документах, то ничего другого они сообщить и не могли (с. 63).

Архивные свидетельства это не панацея. Архив является учреждением, где хранятся документы. Делом же историка является доказать подлинность данного документа и произвести критический анализ сообщаемых в нём фактов. Хранение документа в архиве не делает сообщаемые в нём факты достоверными.

Следует напомнить американским коллегам, что в России существовала определённая культура забастовочного движения при прохождении колон бастующих. Об этом достаточно подробно в своих статьях писал А. В. Жданков. Приводимые Хасегавой факты хулиганства, без ссылок на источник, скорее напоминают сегодняшние телевизионные репортажи о погромах в различных странах Запада, чем реалии российской действительности, хотя погромы хлебных лавок имели место. Что касается остановки трамвайного движения, то это не хулиганство, а способ борьбы. У вагоновожатого отбирался ключ, которым трамвай приводился в движение, вагон останавливался, это парализовало движение и являлось определённым препятствием для использования кавалерии. Однако вывод о том, что хулиганы сделали революцию, а она «это стихийный непонятный взрыв» хорош только для телевизионного шоу, но не для профессиональных историков.

Среди нерешённых и спорных проблем, важных для понимания истории Февраля, Хасегава выделяет вопрос о влиянии русского политического масонства на ход революции и формировании Временного правительства. В этом вопросе не следует идти только за книгой Г. М. Каткова. В советской и российской историографии имеется много доброкачественных работ по истории русского политического масонства. К ним следует отнести работы В. И. Старцева, С. П. Карпачёва, А. И. Серкова, А. Соколова, О. Ф. Соловьёва, В. Ю. Черняева и ряд других авторов. К тому же издана часть следственного дела Н. В. Некрасова. Всё это давало возможность редакторам «Критического словаря» заказать и статью о масонстве, которой очень не хватает в издании о русской революции.

Эйфория Февральской революции продолжалась недолго и была нарушена апрельским политическим кризисом «самым мягким из революционных кризисов, заметный более своей театральностью, чем демонстрацией грубой силы» — пишет З. Галили (с. 71). Апрельский кризис, на наш взгляд, следует отнести к первым актам Гражданской войны. Именно вооружённые демонстрации 20 и 21 апреля показали формиро-

вание тех сил, которые сойдутся в будущей непримиримой схватке. Это были дни, когда одновременно выступили силы революции и контрреволюции. Когда весь Невский проспект ощетинился тысячами солдатских штыков, стало ясно, что завоёванные свободы солдаты так просто не отдадут. И говорить, что да, конфликт был, но его раздули противники примирения в обществе, а к ним, по-видимому, автор относит большевиков, а не кадетов, призвавших к демонстрации в поддержку Временного правительства. На наш взгляд, кажется также странным, что автор статьи об Апрельском политическом кризисе и не упоминает такого известного исследователя этой проблемы, каким был Ю. С. Токарев.

Рассматривая роль русской армии в 1917 г. интересное наблюдение сделал А. Уайлдман по поводу того, что после отречения Николая II солдаты фронтовики считали, что офицеры сознательно скрывают от них объявление мира новым правительством. Здесь мы видим сходство с ситуациией, которая произошла после отмены крепостного права, когда крестьяне были уверены в том, что помещики скрывают от них подлинный манифест царя о наделении крестьян землёй. Это может свидетельствовать об устойчивости крестьянских воззрений на власть и её носителей. При этом Уайлдман совершенно справедливо полагал, что Советы стали символом власти для народа, а в армии проводниками советской политики стали комитеты. Власть Советов, мир и земля, а не отвлечённые политические лозунги интересовали солдат-крестьян. По замечанию Уайлдмана они даже толком не знали, кем являлся В. И. Ленин по партийной принадлежности большевик или эсер.

Анализируя события, которые привели к Октябрьской революции, А. Рабинович справедливо напоминает читателям о том, что «Ленин в 1917 г. не был всемогущим лидером монолитной партии», а сама партия была весьма демократической организацией открытой для различных дискуссий, а об этом забывают, как историки, так и любители писать на исторические темы. В целом Рабинович достаточно объективно изложил деятельность большевиков в основном от июльских событий до Октябрьского вооружённого восстания. Странно только, что в списке литературы не оказалось одной из лучших советских книг монографии О. Н. Знаменского об июльских событиях.

Не обошёл А. Рабинович и вопроса о возможности создания советской коалиции после Октября. Ответственность за её срыв он возложил, как на завышенные требования умеренных социалистов, так и на успешные военные действия большевиков по разгрому восстания юнкеров в

Петрограде, срыв наступления Керенского Краснова на Петроград, а также установления Советской власти в Москве. Всё это, по его мнению, усилило позиции В. И. Ленина – Л. Д. Троцкого. Несколько надуманным кажется вывод о том, что решения Второго Всероссийского съезда Советов и неудача с созданием однородного социалистического правительства привели к кровопролитной Гражданской войне. Неудача в создании однородного социалистического правительства, на наш взгляд, имела чисто психологический характер, поскольку лидеры социалистических партий, только себя видели во главе правительства, и считали свои программы единственно верными, и никого не устраивала подчинённая роль. Скорее одной из причин Гражданской войны стало упразднение комитетов в армии, которые не давали войска ни большевикам, ни их противникам, тем самым удерживая определённое равновесие.

Следующим этапом в развитии русской революции стала Гражданская война. Конечно, все аспекты этого явления невозможно отразить на нескольких страницах текста, но на некоторых из них следует остановиться. Так, автор раздела о Гражданской войне И. Модсли связывает неудачное продвижение красных в Латвии и Эстонии в конце 1918 – начале 1919 г. с возникновением уникального союза остатков германской армии и британского флота. Помощь со стороны Великобритании и остатков германских войск буржуазным правительствам Латвии и Эстонии в действительности имела место, но не она сыграла решающую роль в поражении социалистических правительств в этих странах. Главной причиной поражения стала непродуманная политика властей в земельном вопросе, в результате которой крестьянство отвернулось от советской власти на этих территориях.

Говоря о причинах поражения Колчака, к второстепенным автор относит нежелание крестьян идти в его армию и действие партизанских отрядов, а главным автор считает демографический аспект, поскольку в Сибири проживало 8 млн. человек, а в Советской России в десять раз больше (с. 102). Никакая демография не спасла бы Советскую власть, если бы она не проводила социальную политику, направленную на улучшение жизни рабочих и крестьян в условиях военного времени. Переходя к боевым действиям армии Деникина, Модсли повторяет утверждение О. Файджеса о том, что увеличение Красной Армии произошло из-за возвращения крестьян-дезертиров из-за страха перед Деникиным и в связи с окончанием полевых работ. И ни слова говорится о повороте советской власти лицом к деревне, к середняку, а именно этот поворот и дал штыки в Красную

Армию. Хотя и здесь не всё было так просто. По разным подсчётам в 1919 г. в Красной Армии насчитывалось примерно 1 млн. дезертиров. И совсем наивным выглядит тезис о том, что красные побеждали за счёт численного превосходства, а не стратегии. Конечно, признать, что вахмистры С. М. Буденый и Б. М. Думенко или войсковой старшина Ф. К. Миронов громили царских генералов, получивших высшее военное образование, умением, у западных коллег рука не поднимается. Другой причиной побед Красной Армии, со ссылкой на Р. Пайпса, Модсли считает контроль красных над сердцевиной Великороссии, поскольку они обладали огромными людскими ресурсами, вооружением царской армии, кадрами офицеров и имели больше времени в подготовке к Гражданской войне. С такими аргументами спорить значит терять время попусту. Ну и конечно союзная интервенция не сыграла почти никакой роли в Гражданской войне, а помощь белым это лишь крупица от того, что имела Красная Армия. Вообще, как только речь заходит об интервенции и экономической блокаде Советской России, западные историки опускают глазки вниз и начинают бормотать, что-то невнятное.

И. Модсли также знакомит читателей с «Интересным предположением» Р. Пайпса, что поражение белых отчасти можно объяснить нехваткой народного патриотизма, то есть неспособностью русского населения поступиться материальными интересами ради истинно национальных». (с. 106). Это называется, приехали. Раздел по гражданской войне написанный без работ Кораблёва, В. Д. Поликарпова, Л. М. Спирина и других советских историков вряд ли может претендовать на аналитичность.

Более взвешенную позицию к проблеме интервенции демонстрирует Д. Фогольсонг, призывая как западных, так и российских историков к уточнению понятия интервенция. Автор вполне справедливо считает, что падение монархии и последовавшая за ней дезинтеграция Российской империи привела к соперничеству между союзниками за политическое влияние, стратегические ресурсы и рынки сбыта на всём пространстве бывшей империи. При этом Фогольсонг делит интервенцию на четыре фазы. Для первой характерны такие методы, как шпионаж, пропаганда, поддержка мятежей и заговоров, денежные субсидии антибольшевистским группам. Здесь же автор не забывает упомянуть о немецкой помощи большевикам в 1917 г., которую со ссылкой на Г. Каткова, Ф. Фишера, У. Баумгарта, З. Земана он оценивает в сумму около 30 млн. марок и которая пошла на распространение большевистской прессы (с. 109) Но уж коль словарь назван критическим не худо было бы упомянуть исто-

риков придерживающихся других взглядов. Так, американский историк С. Ляндрес, выявил сумму всего в 50 тыс. американских долларов, которую в Стокгольме в 1917 г. получили большевики от австрийского социалиста К. Мора и то, эти деньги пошли на организацию международной антивоенной конференции в Швеции, а потом их ещё и возвратили. Из советских историков, аргументированную критику использования немецких денег для осуществления русской революции дали в своих работах ленинградские историки В. И. Старцев и Г. Л. Соболев. Чтобы не обижать большевиков, Фогольсонг приводит данные о пропагандистской и финансовой помощи, которую Англия, Франция и США оказывали тем силам в России, кто выступал за продолжение войны. При этом Фогльсон не рассматривает эти действия, как вмешательство в дела революционной России, а как акт противодействия германским интригам, а также нарастающему соперничеству в разведке, контрразведке и пропаганде.

Вторая фаза начинается с Октябрьского вооружённого восстания в Петрограде и заканчивается первой половиной 1918 г. На положение в России, по мнению автора, союзники и Германия продолжали влиять при помощи пропаганды и финансовой поддержки определённых групп. С этого времени финансовую помощь антибольшевистским силам, и весьма существенную, автор оправдывает тем, что в первой половине 1918 г. Германия тратила на пропаганду в России ежемесячно по 3 мл. марок. Тогда встаёт вопрос, а в чём это выражалось? Если Германия тратила такие деньги на оккупированных русских территориях, тогда это не имеет никакого отношения к Советской России. Фогльсонг также утверждает, что Германия продолжала давать деньги партии большевиков уже после Октябрьской революции, но вот никаких доказательств, что эти деньги дошли до получателей никто не приводит(с. 110).

Третья стадия интервенции начинается с подписания Брестского мира в марте 1918 г. В этой фазе «тайная война» сочеталась с открытым вооружённым вмешательством. Конечно нельзя сбрасывать со счетов общественное мнение западных стран, которое требовало вывода союзных войск из России, а также движения «Руки прочь от Советской России». Однако главными стали потери интервентов от войск Красной Армии, а вот эти потери, после окончания Первой мировой войны, и возмущали общественное мнение западных стран и в конечном счёте способствовали выводу войск.

Четвёртая фаза интервенции приходится на 1919 – 1920 гг., когда союзники отказались от открытой интервенции и перешли к косвенной поддержке, начав крупные поставки вооружения и снаряжения, а США также предоставили ещё и «гуманитарную помощь» белым армиям и националистическим формированиям в России. Русский народ на своей шкуре испытал интервенцию и блокаду западных держав, поэтому односторонность взглядов надо преодолевать тем, кто является наследниками интервентов, а не их жертвам. Западным историкам не мешало бы вспомнить строчки В. Маяковского из поэмы «Владимир Ильич Ленин»: «Историки

С гидрой плакаты выдернут

- чи эта гидра была,

чи нет? –

а мы

знавали

вот эту гидру

в её

натуральной величине».

Следующим этапом в развитии Русской революции стало прекращение Гражданской войны и переход от военного коммунизма к НЭПу. Эту крайне сложную проблему взялся рассмотреть российский историк С. Яров, сделав акцент на работе X съезда РКП(б) и взяв за основу его стенограммы. Работу съезда он разделил на две части: это борьба по внутрипартийным вопросам и переход к НЭПу. Рассматривая первую группу вопросов, автор пришёл к обоснованному выводу о том, что наличие кризиса в партии признавали, как большинство ЦК, так и оппозиция, но его причины первые видели в объективных условиях, в которых находилась страна, а вторые в субъективных и усматривали личную и групповую вину руководства партии. По мнению Ярова, негативные явления, возникшие в партии нельзя объяснять военным временем: « Последующее развитие советского общества отчётливо показало, что бюрократизация всех органов его управления и в первую очередь компартии, как основного из них, была запрограммирована, заложена в код их развития» (с. 118). Следовательно, по мнению автора, большевистская партия была изначально порочна и вся её деятельность, не что иное, как бесовское наваждение. Ну и конечно любой либерально мыслящий интеллигент, каким является товарищ Яров, не мог обойтись без того, чтобы не лягнуть В. И. Ленина. Одной из доминант его [В. И. Ленина – *А. С.*] политического

мышления было отвращение к любому политическому инакомыслию вне ортодоксальных рамок и к фракционности, разрушающим монолитность партии. Это чувство было выстрадано им в его борьбе за главенство в партии, сопровождаемой внутренними склоками в большевистской среде и прочими дрязгами, в которых трудно отделить личное от принципиального и которые стали неотъемлемой частью его политической и духовной биографии» (с. 120). Итак, если следовать за умозаключением Ярова, то выходит, что во главе партии стоял мелкий склочник, интриган, да ещё и догматик, не признающий чужого мнения. Такие откровения подходят только для олухов царя небесного, но никак, для людей мало-мальски знакомых с историей.

Что касается борьбы с фракционностью, то перед Лениным были примеры российских политических партий разных направлений, которые рухнули в результате внутренних раздоров и повторения их судьбы для РКП(б) он естественно не желал. Резолюция «О единстве партии» принималась в определённых временных условиях и то, что её стали использовать, тогда, когда они изменились, свидетельствует об отсутствии диалектического мышления у последователей Ленина.

Рассматривая переход к НЭПу, Яров отдаёт приоритет Л. Д. Троцкому, который в записке, поданной в марте 1920 г. в ЦК РКП(б), предлагал осторожный переход от развёрстки к налогу. Отклоняя предложение Троцкого, ЦК партии, по-видимому, исходил из того, что поскольку Гражданская война ещё не закончена и надо было кормить многомиллионную армию и рабочих, а развёрстка при всех её издержках, этот хлеб давала, то идти на риск реформы в таких условиях было явно опасно. В конце 1920 г., в связи с разгромом Врангеля, обстановка изменились. В условиях окончания Гражданской войны в европейской России крестьянство перестало понимать необходимость развёрстки. Однако переход к продаже излишков требовал устойчивой денежной системы, каковой в то время не имелось, поскольку денежная реформа стала проводиться в 1922 – 1924 гг. В этом случае вся затея с НЭПом в 1920 г. просто бы рухнула, поскольку за бумагу крестьяне хлеб продавать бы не стали. В связи с этим прибегли к обмену имевшихся в ограниченном количестве промышленных товаров на хлеб, поэтому слова торговля в различных документах старались избегать. И только когда под вопрос был поставлен союз рабочего класса и крестьянства, то есть собственно существование советской власти, только тогда и то благодаря усилиям В. И. Ленина произошёл переход к новой экономической политике. Поскольку далеко

не все члены РКП(б) понимали необходимость этой меры. Поэтому при анализе тех или иных решений следует исходить из тех политических и экономических условий, которые сложились на данный момент, а не из тех или иных теоретических предположений.

Одним из важных составляющих исторического процесса являются те или иные личности, которые оказали влияние на ход событий. Поэтому обращение авторов словаря к деятелям русской революции вполне оправдано. И то, что они выбрали этих лиц, а не других является их полным правом. Прочитав биографические очерки о А. Ф. Керенском, В. И. Ленине, Ю. О. Мартове, П. Н. Милюкове, Николае II, М. А. Спиридоновой, Л. Д. Троцком, И. Г. Церетели, В. М. Чернове и белых генералах, у нас возникло впечатление, что они написаны для того, чтобы показать, что В. И. Ленину в бурном 1917 г была альтернатива.

Автор очерка об А. Ф. Керенском Б. И. Колоницкий начинает с того, что отвергает оценку Керенского, данную Лениным, как «демократического краснобая, который говорил бы народу громкие, но пустые слова», поскольку она «совершенно не соответствует действительности». В качестве аргументов он приводит высказывания русских и иностранных современников Керенского в основном панегирического характера, хотя встречается и несколько нелицеприятных отзывов. Статья, построенная на некотором количестве отзывов современников, вряд ли может в полной мере объяснить взлёт и падение Керенского. Это задача более глубокого фундаментального исследования, построенного не на словах, а на делах Керенского.

Б. И. Колоницкий пытается разобраться, в чём же заключался феномен Керенского. И приходит к выводу о том, что на первом эйфорическом, театральном этапе революции, качества оратора-импровизатора, прекрасного актёра, человека обладавшего прекрасной интуицией, выводили его на первые роли. При этом он позиционировал себя ещё и как «морального» политика. Походя автор касается принадлежности Керенского к масонской организации «Верховный совет народов России», не развивая этого факта его политической биографии, такая боязливость не украшает историка.

Б. И. Колоницкий также считает, что «массовое политическое сознание первых революционных месяцев также было синкретическим морально-религиозно-политическим сознанием» (с. 132). Да у определённой части интеллигенции в Петербурге такой вид сознания присутствовал. И интеллигенция, хотя и не вся, восторженно приветствовала

Керенского. Однако если мы посмотрим на Приказ №1 Петроградского гарнизона, на перевыборы командиров, на создание комитетов и их деятельность, то вряд ли можно назвать сознание солдатских и рабочих масс Петрограда, «морально-религиозно-поитическим сознанием».

Действительно, на начальном этапе революции, политическая неразвитость широких народных масс привела к их вере в хорошо сформулированные слова. Однако, когда слова не стали переходить в дела, массы стали отворачиваться от своих вчерашних кумиров. Оказалась неудовлетворённой и интеллигенция, представлявшая себе революцию в качестве нескончаемого праздника, и увидевшая несбыточность своих грёз. «Живые силы» страны были разочарованы в бессилии Керенского обуздать разбушевавшуюся народную стихию, а военные в невозможности восстановить дисциплину в армии. Вот эти факторы расхождения слова и дела стали основополагающими в падении популярности Керенского. Все остальные, как создание культа Керенского (и имел ли к этому отношение «Верховный совет народов России»), распространение различных порочащих его слухов, театральность поз и поведения, провал Июньского наступления и «дело Корнилова» имели определённое значение в его взлёте и падении, но не являлись первопричиной.

Биография В. И. Ленина, написанная Р. Сервисом, представляет собой смесь не всегда достоверных фактов с плохим знанием и главное пониманием работ Ленина. Возникает ощущение, что западные коллеги знают работы Ленина по плохим учебникам истории партии и марксизма -ленинизма, а в сути движения ленинской мысли так и не разобрались. Не случайно, поэтому, в списке литературы не упомянуты лучшие на сегодняшний момент книги В. Логинова о Ленине, основанные на скрупулёзной проработке документов партийного архива и изданных материалов. В изображении Сервиса Ленин представлен человеком склонном к диктатуре, террору, нетерпимым к чужому мнению (ленинское мышление было воплощением нетерпимости), самоуверенным, ощущал себя избранником судьбы. Вместе с тем, автор тут же утверждает, что Ленин был человеком скромным, доступным и трудолюбивым руководителем, являлся добросовестным руководителем ЦК партии и СНК, помогал товарищам, попавшим в трудное положение. Ленин обладал качествами публициста, теоретика организатора и был прирождённым лидером. И в тоже время автор утверждает, что работа «Материализм и эмпириокритицизм» написана «неизящно и топорно». Однако, по мнению автора, большевикам требовалось не литературное мастерство, «а напор и убе-

дительность» для отражения атак противников (с. 141). Удивляет также примитивное понимание Р. Сервисом тезиса Ленина о поражении царского правительства в войне. Вообще автору книги о Ленине надо внимательнее читать самого Ленина. Странновато звучит тезис Р. Сервиса о том, что Ленин подчёркивал, что большевизм это «научное учение, подразумевая, что оно верно и неизменно» (с. 145). Во-первых, Ленин был диалектиком и в своей практической деятельности не теорию приспосабливал к практике, а теорию проверял практикой. Во-вторых, научная теория не большевизм, а марксизм. Как известно Ленин не уставал повторять, что «марксизм это не догма, а руководство к действию», за что его противники упрекали в вольном обращении с марксизмом. К тому же принцип от каждого по способностям каждому по труду соответствовал социалистической фазе общества, для коммунистической стадии эта формула звучала по другому: от каждого по способностям, каждому по потребностям. Странно звучат слова о том, что Ленин всячески обличал приверженность к демократии и свободе» безразлично относился к гражданским правам, которые закладываются конституцией и законом (с. 145). В действительности, Ленин разоблачал лицемерие буржуазной демократии и свободы, являлся участником создания двух советских конституций, автором многих декретов советской власти. Особенно нас позабавил пассаж о том, что Ленин «видимо, регулярно писал статьи для «Правды». Вообще то, автору следовало посмотреть и саму газету за 1917 г. или на худой конец соответствующие тома полного собрания сочинений В. И. Ленина и тогда необходимость в употреблении слова «видимо» отпала. Автор также стремился показать несамостоятельность ленинской мысли. По Сервису выходит, что Ленин никто иной как мелкий компилятор, заимствовавший свои мысли из европейского социализма, анархизма, а также Г. В. Плеханова и Л. Д. Троцкого. И вообще в России его знали мало, в 1917 г. Приехав из эмиграции в Петроград, на митинги он ходил редко, его фотографии в газетах не публиковались, не снимали его и для кинохроники, а в июле снова ушел в подполье. Вообще такое знание биографии Ленина изумляет. Неужели автор не смотрел такое издание, как « В.И.Ленин. Биографическая хроника»?

Не обошлось здесь конечно у автора и без немецких денег. К тому же 10 октября Ленин не возвращался из Финляндии в Россию, а участвовал в заседании ЦК РСДРП(б) в Петрограде (с.143), а на с. 145 утверждается, что Ленин вернулся в столицу в середине октября. Или ещё один ляп. « В 1919 году, остановленный на московской улице шайкой грабителей

он остался неузнан, хотя и назвал свою фамилию» (с. 145). Так переврать хрестоматийный эпизод из жизни Ленина мог только истинный «специалист» в области русской истории. Странно звучит и тезис о том, что Ленин «не собирался предоставлять свободу национального самоопределения» (с. 146). Хотя любому, сколько нибудь знакомому с советской историей известно, что именно Ленин был инициатором федеративного устройства Советского государства.

Заканчивается статья обычным для западной советологии рефреном «Основы диктатуры и беззакония заложил Ленин.<…> Он осуществлял террор и оправдывал революционную безнравственность» (с. 147).

Лидеры меньшевиков представлены в словаре биографиями Ю. О. Мартова и И. Г. Церетели. Мартов предстаёт под пером И. Гетцлера в качестве совести революции, который проигрывал во всём, как политическим противникам, так и оппонентам в своей партии. Являясь по своей сути человеком кабинетным, могущим проводить работу в небольшом кружке единомышленников он потерялся в бурном море русской революции.

Антипод Мартова Церетели, в партии меньшевиков был одним из инициаторов коалиции с буржуазией, против чего боролся Мартов. Церетели держался за коалицию, что называется из последних сил. Авторы очерка З. Галили и А. П. Ненароков сокрушаются по поводу того, что « Ни логика и реализм Церетели, ни его убеждённость и умение убеждать других, ни его личное обаяние и ораторское мастерство не смогли заставить коалиционное правительство найти эффективные политические решения». От себя добавим, что и не могли, поскольку правительство составляли настолько разнородные политические силы, что ни о каких либо кардинальных решениях тогдашней русской жизни не могло быть и речи. Основной заслугой Церетели авторы статьи считают его борьбу за демократическую консолидацию. Хотя его борьба с Мартовым, например, по вопросам создания коалиционного правительства, а также войны и мира, говорит об обратном. Из статьи для нас так и осталась неясной мысль её авторов о том, почему же Церетели следует называть удивительным человеком.

Социалисты-революционеры представлены статьёй М. Мелансона о В. Чернове. Она охватывает все основные вехи биографии Чернова с упором на 1917 г. И опять же из статьи трудно понять, почему В. Чернов являлся ключевой фигурой в истории России начала XX века.

В форме биографической справки написана и статья А. Рабиновича о лидере левых эсеров М. Спиридоновой без анализа её взглядов.

Одной из самых объёмных в словаре является Статья В. Ю. Черняева о Л. Д. Троцком, освещающая весь жизненный путь революционера. Написанная интересно и живо, статья не свободна от публицистических перехлёстов таких как «Социал-демократам сверлила мозг идея создать централизованную партию» (с. 172), добавим от себя, не всем. Или в СССР правил Сталин «с бандитским пониманием марксизма» (с. 180). Вместе с тем, автор постарался дать более или менее объективный портрет Троцкого, воздержавшись, как от огульного охаивания, так и от славословия в его адрес. Вместе с тем в статье присутствуют недостаточно проверенные факты. Так без должной критики воспроизводятся слова Троцкого о том, что В. И. Ленина отравил И. В. Сталин (с.177), что в Парижской больнице отравили сына Троцкого Льва Седова (с.180). Умер от перитонита. В связи с этим вспоминаются слова городничего из комедии Н. В. Гоголя «Ревизор»: «Александр Македонский конечно герой, но зачем же стулья ломать».

В. Черняев стал также автором очерка «Белые генералы». По его мнению, понятие «белое движение» в России это «соединение всех цветов спектра антибольшевистских сил, от монархистов до правых социалистов» за исключением атаманов казачьих войск. В отечественной литературе большинство историков делят противников большевиков на две группы: к первой относят белое движение – основу которого составляли офицеры юнкера, кадеты и солдаты старой армии. Кстати часть донского и кубанского казачества воевали в белых армиях. Здесь не следует казачество путать с таким явлением гражданской войны, как атаманщина . Второе более широкое понятие — это антибольшевистское движение. Сюда включают всех противников большевиков, в том числе и различные националистические формирования. Вызывает сомнение и тезис В. Ю. Черняева о том, что белые генералы выдвинулись благодаря своим заслугам, а не происхождению. Так, он пишет: «Алексеев, Деникин, Корнилов вышли из простого народа» (с. 198). Если Алексеев родился в семье солдата сверхсрочной службы, то Деникин в семье майора, а отец Корнилова –казачий офицер (хорунжий — чин равный подпоручику). Социальное происхождение, напрямую, не влияет на то, к какому политическому лагерю принадлежит тот или иной человек. Рабочий и крестьянин могут воевать на стороне защитников старого строя, а потомственные дворяне на стороне нового. Да к тому же заслуги белых генералов, во время Гражданской войны, нельзя назвать бесспорными. Как пишет Черняев, генерал «Миллер<…> 19 февраля 1920 года бежал за

рубеж с правительством и штабом», проще говоря, дезертировал с театра военных действий, ничего себе заслуга, за которую полагается расстрел. Не выдерживает критики и тезис о том, что «белые генералы, в большинстве бескорыстно честные патриоты» (с. 205).Это соображение происходит от недостаточного владения автором фактическим материалом.

Пока что бездоказательным является и утверждение Черняева о том, что во время Февральского восстания в Петрограде произошёл дворцовый переворот. Такое заключение делается на основании телеграмм главнокомандующих фронтами Николаю II с просьбой об отречении. Имеются в статье и некоторые неточности. Так, Колчака выпроводили из России под официальным предлогом о совершенствовании минного дела в США, что не соответствует действительности. Введение смертной казни на фронте было санкционировано ещё при Брусилове, а не Корниловым. Интересно также знать источник сведений о том, что наряду с золотым запасом Колчак увозил «драгоценную урановую руду» (с. 202). Любопытно для кого в 1920 г. она представляла ценность и где она в России добывалась и для чего. Хотелось, чтобы автор показал бы читателям секретный приказ Ленина на основании которого расстреляли Колчака. Цена свидетельствам очевидцев о расстрелах в Крыму гроша ломанного не стоит.

То что историю белого движения следует изучать и дальше сомнений не вызывает, но вот в чём заключается его неоднозначность, вызывает вопрос.

Необходимо остановиться ещё на двух фигурах биографических очерков. Это лидер партии кадетов П. Н. Милюков и последний император Николай II. Милюков по утверждению автора статьи Р. Пирсона являл собой альтернативу царизму и большевизму, ориентируясь на либеральные европейские ценности. Давая оценку деятельности Милюкова, Р. Пирсон справедливо отмечает, что он был крайне неудачлив, как политик и государственный деятель, а результат его деятельности был мизерным. Причину неудач Милюкова автор справедливо видит в несоответствии идей европейского либерализма и русской жизни начала XX в. К тому же политика Милюкова, по мнению автора, являлась не последовательной, а поступки противоречивыми. Эффективный в стенах Думы, он потерялся в бурных событиях русской революции. Вызывает сомнение тезис о том, что во время Февральской революции Милюков организовал Временный комитет Государственной думы, как и утверждение о том, что Милюков «бесспорный создатель Временного прави-

тельства» (с. 156). Следует также добавить, что Милюков выступал за конституционную монархию. Вместе с тем вердикт автора суров: «именно Милюкову мы обязаны вопиющим различием между вероятной и определённо свершившейся неудачей воплощения либерализма» (с. 159).

Следующим персонажем биографических статей стал государь император Николай II. На протяжении российской истории его образ проделал путь от «Николая кровавого» до святого мученика. Автор статьи Д. Ливен постарался показать, чем руководствовался последний император в своих действиях. Главной нитью его мировоззрения, по справедливому суждению автора, стало сбережение самодержавия в том виде, в котором ему оставил это наследство его отец, а также твёрдая убеждённость в поддержке монархии русским народом. Спорным является утверждение автора о том, что Николай II принадлежал к европейскому образованному обществу на том основании, что он считал, что « частная собственность, образование и лучшая часть европейской культуры составляют основу цивилизации и прогресса, а следовательно и мощь страны» (с. 163). Мощь страны для него базировалась на армии и флоте. Никаким либералом в европейском смысле царь не был и не мог быть, а во время Первой мировой войны в его мировоззрении произошёл поворот к Московской Руси времён Алексея Михайловича, о чём свидетельствует строительство Фёдоровского городка в Царском Селе и создание проектов придворной и военной одежды в «русском духе». Западный образ мышления автора статьи проявляется и в суждении: « Являться главою государства и главою правительства практически всю взрослую жизнь – это выше человеческих возможностей» (с.163). Для западного политика находиться на высших государственных свыше десяти лет это предел, но не для русского царя.

Весьма странно звучит утверждение автора, что политика контроля, например, над Вильгельмом II свелась к огласке гомосексуальных скандалов в личном окружении императора (с. 164). Если контроль сводится только к этому, то грош ему цена. По мнению Ливена, Николай II сохранил самостоятельность в принятии решений, но ценой изоляции монархии практически от всех слоёв русского общества. А заканчивается статья предположением о том, что «приказ об убийстве [императора – *А. С.*] отдал сам Ленин»(с.165). Для справочного издания если бы, да кабы — является нонсенсом.

В разделе «Партии, движения идеологии» представлены все основные политические партии, действовавшие в России в рассматриваемое

время. Вместе с тем, на наш взгляд, следовало представить и такие межпартийные объединения времён Гражданской войны, как «Национальный центр», «Тактический центр», «Союз спасения Родины и революции».

Суть представленных статей сводится к столкновению в российской действительности, либеральной и революционной (во всех её вариациях) позиций, по самым острым вопросам того периода времени: войны и мира, государственного устройства, крестьянского и рабочего вопросов. Следует также отметить, что во всех русских политических партиях шла непримиримая внутриполитическая борьба, приведшая к расколу этих партий. В сложившейся политической конфигурации кадеты стояли на правом фланге политической жизни, подчинившись белым генералам во время Гражданской войны, так и не получив массовой поддержки населения страны.

На социалистическом фланге одной из крупнейших была партия социалистов революционеров (эсеров). Её деятельности до и после раскола на правых и левых посвящены статьи М. Мелансона. Он заострил внимание читателей на том, что совместные усилия эсеровской и социал-демократической пропаганды способствовали свержению царского режима, а эсеровская партия являлась не только крестьянской, но имела организационные связи с рабочими массами. После Февраля партия развернула мощную пропагандистскую работу, правда Мелансон не сообщает, из каких источников на её осуществление поступали средства. Автор критически относится к тактике правых эсеров по отсрочке выборов в Учредительное собрание и затягиванию решения крестьянского и рабочего вопросов. Всё это в конечном итоге привело к тому, что партийные массы стали переходить к левым эсерам или большевикам. Потеря массовой базы привела и к падению эсеровских правительств во время Гражданской войны. Отход эсеров от их революционной программы и переход правого руководства партии, к эволюционному движению к социализму в рамках капиталистического государства, по справедливому замечанию М. Мелансона, привели к утрате партией массовой поддержки, тем более, что до этого эсеры выступали за быстрый переход к социализму (с. 225, 226).

Сутью раскола в ПСР, как справедливо полагает Мелансон, стало отношение к войне, переход большинства на оборонческие позиции и вступление представителей партии во Временное правительство. Автор прослеживает позицию левых эсеров по всем жгучим вопросам того времени. Вместе с тем некоторые утверждения автора выглядят не достаточ-

но убедительно. Говорить о том, что в декабре 1917 г., в момент своего образования, ВЧК было «всемогущим» (с. 234) является явным преувеличением. «Красный террор начался не с уходом левых эсеров из СНК, а только после покушения на В. И. Ленина и убийства М. С. Урицкого. Возникает также вопрос о том, кто явился создателем однопартийной системы. Эсеры вышедшие из СНК в марте 1918 г. и «создав таким образом, однопартийную систему» или устранение эсеров из Советов после левоэсеровского мятежа и убийства германского посла Мирбаха 6 июля 1918 г . (с. 235, 236).

На современном этапе изучения деятельности левых эсеров Мелансон снова стал говорить об их руководящей роли в крестьянских восстаниях в 1918 г., рабочих забастовках, совместно с меньшевиками, в 1919 г., а в 1921 г. они также стали инициаторами Кронштадтского восстания. К сильным сторонам деятельности левых эсеров автор относит их «страстную оппозицию» (с. 237).

Следующей партией разделившей правительственную ответственность в коалиционном правительстве стали меньшевики. Авторы очерка З. Галили и А. П. Ненароков упрекают историков за то, что в поле их зрения попали борьба за власть или нарастание анархии и социального конфликта, в то время как основной задачей революции являлась демократическая трансформация политической жизни и демократическая интеграция общества (с. 241). Однако, поляризация российской жизни зашла так далеко, что любая постепенность была хороша только для теоретических рассуждений. Именно борьба за власть могла удовлетворить основные чаяния народа. Авторы также дают свою периодизацию основных стадий развития революции: 1. Победа коалиционной политики над первоначальным двоевластием (февраль – конец августа). 2. Время упущенных возможностей для объединения демократических сил России (сентябрь – октябрь). 3. С Октябрьского переворота до роспуска Учредительного собрания – крах усилий направленных на интеграцию общества. Не вдаваясь в спор о периодизации, можно сказать, что прежняя схема деления на апрельский, июньский, июльский кризисы, корниловщину в больше степени отражает политически реалии. Говорить о какой-то, даже предположительной интеграции общества при той классовой ненависти, которая существовала в то время, представляется непродуктивно. Как обычно, вместо того чтобы делать дело, русская мелкобуржуазная интеллигенция проговорила реальную политическую власть. Для меньшевиков, как политической партии, и её руководства не хватило революю-

ционной смелости и решимости для реализации своих планов. Боязнь, что у них ничего не получиться, неверие в самодеятельность народных масс толкало их в болото коалиции. Наиболее точно позицию меньшевиков выразил левый кадет Н. В. Некрасов, сказав: « Возьмите власть в свои руки и возложите на себя ответственность за судьбу России. Но если у вас недостаёт решимости сделать это, уступите власть коалиционному правительству, и не мешайте ему работать» (с. 247).

Ещё одной партией социалистического фланга являлись анархисты. Статья В. Ю. Черняева начинается с весьма странного посыла о том, что «Анархический идеал безвластия и сросшиеся с ним коммунистические устремления ярко вспыхивают в обществе при утрате благополучия и затухают при процветании» (с. 273). Анархический и коммунистический идеалы являются антиподами, несмотря на внешнюю похожесть, и разъяснять это значит ломиться в открытые двери. Хотя далее излагая основы анархизма, автор показывает различия между анархизмом и коммунизмом, какими их видели П. Ж Прудон, М. А. Бакунин, князь Кропоткин и их последователи. Не обошлось у автора и без передержек. Так, описывая известный эпизод с захватом анархистами дачи Дурново в Петрограде, автор пишет, что «Большевики вошли в Военно-революционный комитет дачи Дурново» (с. 276). Если оставить эту фразу без разъяснения, то непонятно, кто именно вошёл, по чьему решению, как к этому отнёсся ЦК партии. В противном случае получается, что это вхождение утвердил высший партийный орган. И далее он пишет: « Их роднили с анархистами…..» кого их. Всю партию большевиков, но это не так, и это известно автору. Не выдерживает критики и рассуждение по поводу июльских событий: « Не веря в успех авантюры, Ленин вынудил большевиков отступить» (с. 276). Или говоря о событиях 1918 г., Черняев пишет: «Негласный союз анархистов и большевиков дал трещину» (с. 277). Тогда как такого союза не было. Тактические соглашения на уровне отдельных органов создаваемых большевиками были, а во время Гражданской войны соглашения по борьбе с белыми, но это нормальные тактические союзы, заключаемые против общего врага, существовали всегда и везде. Было бы неплохо, чтобы в работу, где упоминается Н. И. Махно и Кронштадтский мятеж были включены работы С. Н. Семанова, написанные на хорошей источниковой базе.

В качестве противопоставления либералам и социалистам в словаре имеются две статьи посвящённые большевикам. Одна принадлежит

Р. Сервису «Большевистская партия», вторая Р. В. Даниэлсу « Оппозиция в РКП(б): от Брест-Литовского мира к X съезду».

Р. Сервис начинает статью с зарождения большевизма. При этом термин большевизм используется крайне широко. Для периода до революции 1905 г Сервис вводит для России понятие средний класс. Для сословного государства, которым являлась империя это понятие вряд ли подходит. Далее автор останавливается на противоречиях между меньшевиками и большевиками. Автор считает, что изменение ленинской позиции после возвращения в Россию в апреле 1917 г., произошло в связи с необходимостью приобретения партией популярности. В то время, как В.И.Ленин исходил из того, что диктовала практика жизни, а не из доктрин даже весьма привлекательных. И уж никак из-за популярности. В этом состояла ленинская диалектика.

Рассуждая об организации партии, Р. Сервис подчёркивает её демократизм, особенно на местах. С другой стороны он упрекает ЦК РСДРП (б) за то, что решение о вооружённом восстании принималось помимо членов партии на местах. Хотя далее он сообщает, что особого секрета из большевистской стратегии перехода власти к социалистам не делалось. Одно дело стратегия, а другое конкретное действие. Выдвигать такое требование, это всё равно, что ставить в вину командующему армией, что он не сообщил о дате наступления противнику. Тут же автор упрекает руководителей большевиков, что они были не демократами по убеждениям а «мастерами фракционных манипуляций» (с.255). Между социалистической и буржуазной демократией лежит пропасть. И если не понимать этого, то все упрёки большевиков в недемократичности, просто абсурдны, поскольку разговор идёт в разных понятийных категориях. То, что большевики не верили в способность рабочего класса к управлению, а их теория революции основана на принципе руководства и командования (с. 255), является абсурдом и только свидетельствует о том, что автор не углублялся в изучение работ В.И.Ленина.

Действительно говорить о некоей железной сплочённости партии большевиков не приходится, как и в любой массовой политической партии, этого можно достичь только на словах. Сервис пишет, что рядовые большевики почти ничего не знали о Марксе, Энгельсе и немногие были знакомы с работами Ленина. В таком случае может быть, рядовые меньшевики были знакомы с работами тех же Маркса, Энгельса, Плеханова, а рядовые анархисты с работами Прудона, Бакунина и Кропоткина, а рядовые эсеры с работами Ткачёва, Михайловского, Натансона. Сразу мож-

но сказать, что нет. В 1917 г., в политику пришли сотни тысяч людей и изучать те или иные теоретические положения не было возможности. Из той пропагандистской литературы, которая распространялась в то время, широкие слои рабочих, крестьян, солдат и матросов выбирали то, что соответствовало их классовому чутью и ожиданиям.

Сервис упрекает большевиков в том, что они не были откровенны в своих долгосрочных целях. Ленин, который возглавлял партию, не был доктринёром и если партийные установки начинали противоречить жизни, то он старался убедить товарищей изменить установки, а не запросы жизни. Вместе с тем Сервис опровергает утверждение о том, что большевики не имели опоры в массовом революционном движении в 1917 г. Автор обращает внимание на дискуссии, которые проходили в партии по жизненно важным вопросам. Однако вызывает возражение тезис о том, что перед Октябрьской революцией большевики сумели избежать серьёзных внутренних противоречий. А как же быть с тем, что некоторые статьи Ленина не печатались в «Правде», а с курсом на вооружённое восстание возникли глубокие разногласия.

События гражданской войны, по мнению Сервиса, закрепили тенденции централизма и перехода к авторитарным методам руководства. Причём автор считает, что централизованная партийная структура ведёт к авторитаризму. В таком случае само западное общество построено на этих началах. Так как любая крупная компания строится на централизме и строгом подчинении младших старшим, а руководитель авторитарный правитель, это как режиссер в театре или кино. Или если взять христианскую церковь, то она является одним из примеров централизма власти.

Следует также заметить, что партия далеко не сразу стала носителем государственной власти, а этот процесс растянулся на десятилетия. Вместе с тем, автор показал, что центральное партийное руководство боролось с местничеством и появлением «семейных кланов» в партии. К тому же на протяжении её существования явления неповиновения не являлись редкостью. По мнению автора, только террор 1937–1938 гг. сделал её послушной в руках Сталина. Победа в Великой Отечественной войне отвергает этот тезис. Только инициатива широких народных масс, раскованная войной обеспечила победу.

Есть в статье и фактические неточности. Так, мятеж чехословацкого корпуса начался в мае 1918 г., а не после мятежа левых эсеров 6 июля 1918 г., как пишет автор (с. 257).

Статья об оппозиции в РКП(б) начинается со справедливого утверждения о том, что в эпоху «военного коммунизма» 1918 – 1921 гг. в компартии существовал политический плюрализм (с. 264). Послереволюционную оппозицию Р. В Даниэлс делит на четыре этапа. 1. Борьба за коалиционное правительство.». 2.Дискуссия по Брест-Литовскому миру. 3. Военная оппозиция на VIII съезде РКП(б), образование группы «демократического централизма». 4. Дискуссия о профсоюзах. Образование рабочей оппозиции. X съезд партии. Любопытным является сравнение идей левой оппозиции в Советской России, с тем как они воплощались в Югославии, КНР, на Кубе, в студенческом движении 1968 г. Однако, чтобы стать научно доказанными, они требуют значительной источниковедческой и историографической проработки на конкретном материале этих стран.

Пятая часть «Критического словаря» называется «История ведомств и культура учреждений» и вызывает несколько вопросов. Во-первых, почему в категорию ведомств попали Белые, Красная и крестьянские армии, образование, печать, профсоюзы, семья и брак, советское государство, советы, старообрядцы, фабзавкомы. По нашему мнению, никакого отношения они к истории ведомств не имеют. Не совсем ясно и что понимают авторы под культурой учреждений. На мой взгляд, это профессионализм в работе и быстрота и вежливость в обслуживании клиентов данных учреждений.

Статья И. Модсли о Белых армиях представляет краткий материал для западного школьного учебника. В статье ничего не говорится о социальной изолированности белого движения, мимоходом затрагивает автор и вопрос об интервенции. Не вызывает восторга у автора изучение деятельности антикоммунистических правительств в особенности их антинародная направленность, зато работы говорящие о народном сопротивлении коммунистам приветствуются. Изучать надо то и другое без всякой предвзятости. Методологическая слабость работы Модсли состоит в том, что он не считает Гражданскую войну классовой борьбой. Вследствии этого, на основании изучения 71 личного дела ветеранов «Ледяного похода» Добровольческой армии, он делает вывод о том, что «втискивать Белое движение в прокрустово ложе классового подхода более не представляется уместным, особенно российским историкам» (с. 293). Таким образом, заморский дядя учит неразумных российских историков, что и как надо изучать. Любопытно и ещё одно методологическое высказывание. Оказывается Белое движение «лег-

че понять при взгляде из 1990-х годов» (с. 293). А мы тот неразумные, следуя за В. О. Ключевским, думали, что надо влезать в шкуру людей эпохи, которую изучаешь. При изучении истории надо не вставать на ту или иную точку зрения, а исходить из всей полноты тех исторических источников, которые имеются по изучаемой теме.

Статья Ф. Бенвенути о Красной Армии, как и статья Модсли не несёт новой информации. Она напоминает краткий учебный конспект, по созданию и деятельности Красной Армии. Преобразование некоторых армий в трудовые, после окончания боевых действий, прежде всего, было связано с тем, что при разрухе, которая царила в стране, власти не знали, куда девать демобилизованных. Таким образом, трудовые армии помогали занять потенциальных безработных. Выполнение общественных работ характерно для стран с высоким уровнем безработицы, и не было связано с тем, что большевики хотели таким образом управлять экономикой. Вызывает возражение утверждение автора о том, что во время войны с Польшей, многие рядовые бойцы были недовольны этим. Высказанное соображение необходимо аргументировать. Война с Польшей вызвала патриотический подъём не только среди офицеров старой армии, но и широких слоёв населения, в том числе и казачества.

Весьма спорным является название раздела Крестьянские армии, написанного О. Файджесом. Скорее эти вооружённые крестьянские объединения можно назвать формированиями, чем армейской структурой со строгой иерархией, дисциплиной, воинскими уставами и наставлениями, регламентирующими внутреннюю и боевую жизнь армии.

Утверждение Файджеса, о том, что Гражданскую войну изображали как конфликт красных и белых, и только с открытием советских архивов обнаружилось, что в тылу красных и белых действовали крестьянские армии можно отнести к разряду курьёзных. Возможно, что до открытия советских архивов О. Файджес об этом и не ведал, но историк, изучавший историю Гражданской войны в России знал об этом из советской литературы 20 – 30-х гг. и более позднего времени. В советской историографии они именовались крестьянскими восстаниями и движением зелёных – дезертиров уклонявшихся от военной службы и прятавшихся по лесам. Мотивация отрицательного отношения к Советской власти у этих групп совпадала не всегда.

Далее автор разделил статью на две части — это борьба крестьян против белых, которая занимает две страницы и против красных пять с половиной. Интересно чем это объясняется нехваткой материала о борьбе

в тылу белых или политическим заказом. Хотя одна русская пословица говорит: « На чьей телеге едешь, тому и песенки поёшь». К сожалению, она применима для многих статей этого издания. Вместе с тем автор, правда без цифр и фактов в руках, упомянул о белом терроре в Сибири, «забыв» о терроре Добровольческой армии.

По утверждению Файджеса к осени 1920 г. крестьянские восстания полыхали по всей стране. Если бы это было так, то вряд ли бы Красная Армия одолела Врангеля, а врангелевские десанты, как известно, провалились в казачьих районах на Кубани.

Среди Крестьянских восстаний автор сделал акцент на Тамбовском восстании, хотя и по Западносибирскому мятежу имеются научные публикации. Тамбовское восстание в настоящее время изучается достаточно интенсивно. Наряду с исследовательскими работами выходят сборники документов, освещающие ход восстания. Важным является наблюдение Файджэса о том, что крестьянские восстания были враждебны белым, и это естественно, поскольку они боялись возвращения помещика. Автор также отметил и взаимную жестокость крестьян к представителям Советской власти и жёсткое подавление крестьянских выступлений военными подразделениями, присланными в Тамбовскую губернию. Файджес также пишет, что восставших ссылали в Заполярье. Интересно куда? Относительно убитых со стороны восставших цифры надо проверять и давать для полноты картины число погибших представителей советской власти. Почему-то для Файджеса остаётся открытым вопрос о результативности новой экономической политики, хотя если бы автор взглянул в любой статистический справочник, то увидел, что её действенность заключалась в преодолении экономической разрухи.

Вопрос об эффективности государственной власти в словаре решается на примере функционирования Временного и Советского правительства. Статья Г. Уайта начинается с того, что автор пытается запутать читателя в терминах. Так, он пишет, что Временное правительство являлось представителем «среднего класса» или «имущих слоёв» (с. 296). Однако это не одно и то же, и как мы уже говорили, для России того периода времени, употребление термина «средний класс» вообще не правомерно – это типичный пример модернизации истории. Вряд ли можно согласиться с утверждением автора, о том что «В СССР господствующая интеллектуальная парадигма много лет препятствовала серьёзным исследованиям» (с. 297). Если бы автор внимательно прочёл работы С. Малышевой по историографии Временного правительства, которые он

упоминает в списке литературы, то подобное утверждение вряд ли бы появилось в его статье. Весьма любопытное высказывание Г. Уайта о западном мышлении. По его словам, для западного общественного мышления характерно представление о самостоятельности политической сферы. Здесь бы мы заметили, что Критический словарь написан по лекалам характерным для западного мышления, а не по историческим источникам, которые с этим мнением могут и не совпадать.

Статья излагает достаточно хорошо известный материал. Однако и в нём присутствуют некоторые неточности. Список будущего правительства не являлся тайной. Крайне курьёзно звучит сообщение о том, князь Г. Е. Львов являлся главой крупной общественной организации, а М. И. Терещенко заметной фигурой в другой общественной организации. Смех, да и только. Первый являлся председателем Земгора, а второй членом масонской ложи. Следует также помнить, что Львов был назначен на должность премьер- министра царским манифестом.

Крайне любопытна рекомендация автора демократическим силам, идущим по пути преобразований: «поиск компромисса с элитами, регулирование и ограничение инициативы «снизу» в наше время повсеместно рекомендуется руководителям, проводящим демократические преобразования» (с.304). Кем рекомендуется? Хотелось бы знать.

Автор статьи о Советском государстве Р. Сервис начинает её с того, что заявляет о невозможности выделить отдельные периоды в его развитии. Он считает, что «режим, установленный в 1917 – 1919 годы, оставался в неизменен до конца 1980-х годов» (с. 416). При этом автор не исследует процесс образования и развития Советского государства. Статья больше похожа на антибольшевистскую агитку. По мнению Сервиса, большевики до прихода к власти сделали всё возможное, чтобы расшатать старый государственный организм (с. 417). Опять повторяется басня об остановке автомобиля с Лениным на московской улице. Ничтоже ни сумняше, автор пишет, что «на втором году после Октябрьской революции возникло однопартийное государство, реальная и концентрированная власть над которым принадлежала большевикам» (с. 419). И этот вывод делается на том основании, что в одном из своих выступлений в 1917 г. Я. М. Свердлов говорил: «Вы понимаете товарищи, что трудно дать вам более подробные инструкции, чем «Вся власть Советам!» (с. 420). Писать так может человек, который абсолютно ничего не смыслит в ситуации 1919 г. Сервис делает также вывод о призрении большевиков к установленным правилам и законам: «Итак,

на самом глубинном уровне советское государство было воплощением конституционного и правового нигилизма» (с. 420). Действительно большевики ликвидировали старое законодательство и устанавливали новое, о чём свидетельствуют Декреты Советской власти, с которыми историку, пишущему о создании Советского государства не грех и ознакомиться. Или, например, такой пассаж: «Марксистко-ленинская идеология враждебно относилась к процедурным принципам» (с. 421). Марксизм всегда отрицательно относился к догматизму и начётничеству. Гражданская война, а впоследствии и Великая Отечественная дали известный простор и инициативу руководителям и широким массам на местах, в результате чего и были одержаны эти победы. Или такое высказывание: «Защита советских граждан перед законом была бесполезна. Административный произвол стал нормой» (с. 421). Распространять такие определения на весь советский период и на всё законодательство, значит показывать свое глубокое невежество. А кончается статья типичным рефреном западного пропагандиста о 70-летнем существовании «ужасной разновидности государства, экономики и общества»(с. 424). И после такой сентенции автор русского предисловия В. Ю. Черняев утверждает, что авторов словаря «объединяет желание не судить, а понять прошлое» — это на словах, а на деле всё превратилось в судилище над русской революцией и Советским государством.

Одним из государственных учреждений Советской республики стала Всероссийская Чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (ВЧК). Её создание было вызвано аксиомой о том, что каждая революция должна защищаться, а не сидеть и ждать, когда придут генералы и всех перевешают. Перед большевиками России маячил опыт соседней Финляндии, где в результате поражения революции, цивилизованные белые финны безжалостно уничтожали своих красных противников. Естественно, что большевики не хотели повторения подобного в России. Надо чётко осознавать, что Октябрьская революция была социальной революцией отменившей частную собственность, а её отмену приветствовало большинство крестьян, исходивших из принципа «земля божья, а роспаши мои». Естественно, что владельцы крупных имений, фабрик и заводов, их чада и домочадцы с этим согласиться не могли, и в этом революция товарищ, А. Литвин, действительно нарушила их права. А поскольку частную собственность в современной России надо защищать, то можно и полягать большеви-

ков, нарушивших принцип священной и неприкосновенной частной собственности.

Автор статьи А. Литвин превратил ВЧК в орган по борьбе с инакомыслием, нужным для укрепления режима, почему-то забыв, что на ВЧК в это время лежали функции по борьбе с уголовными преступлениями. Грабежи, налёты стали чуть ли не бытовым явлением ещё при Временном правительстве. После образования ВЧК московские и петроградские газеты публиковали списки заложников и расстрелянных, где указывался состав преступления, так вот за обычный бандитизм расстреливали не меньше чем за политические преступления и всё это можно посчитать. Или в демократической России уголовные преступники тоже стали жертвами режима? Правда списки были не полными и впоследствии их публиковали не всегда, но при желании на неопубликованную часть можно и посмотреть и в архиве.

А. Литвин приводит постановления СНК по беспощадной борьбе с различными преступлениями. Однако до осени 1918 г. это были в основном словесные угрозы, которые, как и многие декреты Советской власти имели пропагандистское значение. И после убийства в Петрограде Володарского В. И. Ленин ругал петроградских руководителей за то, что они грозят контрреволюционерам расстрелами, а на деле ничего не происходит. И наверное, как известно Литвину, именно «кровавый» председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий являлся противником расстрелов и воздержался при голосовании, когда на коллегии принимался первый расстрельный список. Так что, всё было не так однозначно, как пишет автор. Не обходит он и постановление от 5 сентября 1918 г. о «Красном терроре», забыв правда упомянуть, что оно было принято в ответ на убийство М. С. Урицкого и ранение В. И. Ленина. Неплохо было бы сказать и о белом терроре, но сейчас эта тема не в чести и поэтому лучше освещать зверства большевиков, тем более, что это входит в тему Критического словаря.

Бездоказательно звучит и тезис о том, что «политика военного коммунизма означала регламентацию всей общественной жизни страны», а также и утверждение о том, что «Дворянство и казачество подлежали ликвидации» (с. 324) Ну и что ликвидировали? В 90-е годы XX в. дворянство и казачество в России росло, как грибы после дождя. Значит, не всех ликвидировали во время Гражданской войны и последующие годы Советской власти.

Трудно согласиться и с утверждением, что ВЧК являлось исполнителем воли элиты правящей партии. Если бы это было так, то вряд ли бы она работала столь эффективно. Широкая массовая поддержка широких слоёв населения сделала её работу результативной, хотя далеко не все попытки покушений и диверсий удалось предотвратить.

Бесспорно, что ошибки и нарушения в деятельности ВЧК имелись. Что касается пыток арестованных, то за этот призыв журнал «Еженедельник ЧК» в октябре 1918 г. был закрыт. Не приводит автор и никаких нормативных документов, которые бы говорили об узаконивании пыток. То, что они могли иметь место у меня не вызывает сомнения, поскольку известия о зверствах в белых и атаманских контрразведок доходили и до красных. Так что на уровне бытового сознания это вполне допустимо. Руководство большевистской партии старалось контролировать работу ВЧК и как справедливо замечает автор, давало право контроля видным деятелям партии, таким как И. В. Сталин, Н. И. Бухарин. В Петрограде такой контроль осуществляла Е. Д. Стасова и по её словам многих арестованных освободили. Однако, контрольные функции партии над ВЧК автор трактует, как освещение большевистским руководством разгула террора и «издевательства над правами личности». Судя по всему, в белой контрразведке эти права соблюдались.

Несколько удивляет численность расстрелянных в Крыму. Так, А. Литвин считает, что чекисты расстреляли от 25 до 125 тысяч человек. Ничего себе расхождение. По данным, которые тут же приводит автор, их оказалось 14836 человек. Если взять максимальную цифру в 125 тыс. плюс 100 тыс. высланных из Крыма к лету 1921 г. да 100 – 110 тысяч человек ушедших с Врангелем, то надо выяснить вопрос о том, а какова же была численность русского население Крыма в это время. Мало что дают и цифры о смертных приговорах, приведённых в исполнение в 1922 г. поскольку автор не пишет, за какие преступления арестованные приговаривались к высшей мере наказания. Так же мало что дают и цифры по должностным окладам работников ГПУ, поскольку их не с чем сравнить.

Основной вывод статьи сделан в лучших традициях западной историографии, который гласит о том, что основой Советского государства являлась РКП(б), армия и ВЧК. Правда, называя ВЧК преступной организацией, автор вынужден сказать о её успешных разведывательных и контрразведывательных операциях. Не совсем только ясно как «охранка большевистской модели тоталитаризма» могла их осуществлять это без опоры на широкие слои населения.

В списке работ приложенных к статье явно не хватает монографии по истории ВЧК профессора Высшей школы КГБ А. С. Велидова, основанной на ранее закрытых источниках. Правда она была издана для служебного пользования, но такой специалист, как А. Литвин о ней должен знать. Отсутствие этой книги наводит в который раз на мысль о самоцензуре со стороны авторов статей, не включать то, что не соответствует концепции Критического словаря.

Идея Всероссийского Учредительного собрания имела поддержку среди демократической интеллигенции, однако с образованием Советов, ситуация изменилась и широкие массы трудящихся стали видеть в них разрешение насущных задач, тем более что сроки его созыва откладывались. Автор статьи Н. Н. Смирнов последовательно рассказал о всех перипетиях борьбы за созыв Учредительного собрания. Однако своего мнения по поводу его разгона автор не высказал, присоединившись к суждению Протасова о свержении большевиками легитимного собрания народных избранников. Следует отметить, что разгон Учредительного собрания не вызвал протеста широких народных масс, поскольку и крестьяне и рабочие и национальные меньшинства всё уже получили от большевиков. Автор также заявляет, что ликвидация Учредительного собрания явилась свёртыванием преобразований. Хотелось только чтобы автор уточнил, каких? Судя по рассуждениям Смирнова, Декреты о мире, земле, рабочем контроле, провозглашение права наций на самоопределение, которые провозгласили большевики, не укладывались в демократические преобразования. В результате этих насущных требований народа «Неизбежными последствиями стали партийная монополизация власти, тотальное огосударствление всей общественной жизни и самоизоляция от остального мира» (с. 316). Над этой сентенцией не знаешь толи смеяться, толи плакать. Чтобы развеять представления автора о тотальном огосударствлении общественной жизни ему стоит порекомендовать сходить на выставку советского искусства в «Русский музей» познакомиться с произведениями советских композиторов, перечитать ряд произведений советских писателей, познакомиться с тиражами классиков русской и зарубежной литературы в советское время. Ознакомиться с письмами трудящихся, в ряд центральных газет. Возможно, тогда пелена с глаз уважаемого историка спадёт. Относительно самоизоляции от остального мира следует вспомнить работы бывшего директора Ленинградского отделения института истории АН СССР В. А. Шишкина. А так всё хорошо прекрасная маркиза.

Одной из главных составляющих политической жизни России после Февраля стал Петроградский Совет и советы, как фактические органы власти трудящихся по всей стране. На начальном этапе создания в них преобладали меньшевики и эсеры. По предположению автора статьи Н. Н. Смирнова, после вступления меньшевиков и эсеров во Временное правительство под усиленной критикой большевиков произошло « вымывание» умеренных социалистов из депутатского корпуса Советов (с. 427). Однако в самих партиях меньшевиков и эсеров шла критика руководства этих партий на предмет вступления во Временное правительство, что усиливало левые фланги этих партий. Смирнов совершенно справедливо пишет, что лозунг «Вся власть Советам!» на митингах и демонстрациях вытеснял лозунг скорейшего созыва Учредительного собрания. При этом довольно странным выглядит заявление автора о том, что эсеро-меньшевистские советы «поддерживались аполитичным народом» (с. 429). Это в 1917 г. народ был аполитичным – это что-то новенькое. И далее автор заявляет, что «Система советов обеспечивала прямое и широкое участие трудящегося населения всех национальностей в государственном управлении» (с. 431). А до этого наш автор оплакивал разогнанное Учредительное собрание, в результате которого был поставлен крест на свободном волеизъявлении (с. 316).

Во время Гражданской войны в районах боевых действий Советы заменялись ревкомами, и делалось это не по злой воле большевиков, а в результате военной необходимости. Война вела к безусловной централизации власти – это аксиома любой войны. Следует отметить, что процесс бюрократизации Советов и их переход под партийный контроль происходил не сразу, а растянулся на годы и сам контроль нельзя понимать как простое выполнение приказов.

Не менее важными организациями сплачивавшими рабочие массы промышленных предприятий являлись профсоюзы и Фабрично-заводские комитеты. Профсоюзное движение до Февраля 1917 г. находилось под фактическим запретом, и только свержение царизма позволило начать возрождать профсоюзное движение. Автор статьи о профсоюзах Д. Конкер показала беспрецедентный рост их членов. Если в 1910 г. они насчитывали 60 тысяч человек , то в 1917 г. около 2,75 млн. Говоря о деятельности профсоюзов после Октября 1917 г., Конкер начинает с передёргивания фактов. Так, она утверждает, что после 25 октября 1917 г. наступил социализм в России (с. 400) Такое утверждение можно отнести к числу научных никак нельзя. К тому же профсоюзы не были официальными

органами государственной власти (с. 400). Автор, как и ряд западных, так и российских историков никак не могут избавиться от бессодержательной формулы «генеральная линия партии». Не безынтересен и раздел рассказывающий о деятельности профсоюзов на территориях контролируемых антибольшевистскими силами. Сравнение того, как относились к профсоюзному движению в Красной и в Белой России, складывается явно не в пользу последней. Хотелось посоветовать автору, использовать в своих исследованиях работы, признанного специалиста в истории профсоюзного движения, каким является профессор В. И. Носач.

Фабрично-заводские комитеты стали детищем Февральской революции и возникли по инициативе самих трудящихся. Статья, написанная С. Смитом, основана на достаточно большом фактическом материале, что выгодно выделяет её на фоне ряда малосодержательных, но политизированных статей. Говоря о возможности установления социального партнёрства в период двоевластия, Смит говорит, что «экономические и политические условия были, не слишком благоприятны для «социального партнёрства», если они вообще когда-либо были таковыми» (с. 442). И автор делает вывод о невозможности партнёрства, поскольку предприниматели ставили свою выгоду выше интересов работников. Рассматривая деятельность фабзавкомов в 1917 г., автор приходит к справедливому заключению о том, что большинство из них боролось за устранение перебоев в работе предприятий и сохранение производства на плаву. Вместе с тем происходили достаточно оживлённые споры между фабзвкомами и профсоюзами о сферах компетенции, которые в 1918 г. под давлением большевиков, были решены в пользу профсоюзов и две организации практически объединились. Автор также убедительно показал, что инициатива по национализации предприятий и государственного регулирования экономики после Октября исходила от Центрального совета фабричнозаводских комитетов. Только после того как они начали национализацию предприятий, которым угрожало закрытие, большевики пошли на перевод промышленных предприятий в собственность государства. Однако национализация не означала наступления рабочего управления. В результате резкого падения производительности труда на производстве стали вводить единоначалие, однако, профсоюзы и фабзавкомы сопротивлялись этому. Только в 1920 г. в основном перешли к единоначалию на производстве. Это ещё раз показывает, что РКП(б) не являлась всесильной.

Одной из основ русской жизни являлась общинная психология русского крестьянства, которая в разной степени отражалась на рабочих, солдатах, матросах. Крестьяне, как во время революции 1905 г., так и в 1917 г., выступали общиной, рабочие на заводах и фабриках цехами, солдаты ротами и батальонами. Таким образом, присутствовал общинный, артельный дух свойственный русскому крестьянству, то есть большинству русского народа. Потребность в самоорганизации, круговой поруке происходила из необходимости противостоять природным и жизненным невзгодам. Сила общины была такова, что во время коллективизации, колхозы, по данным В. П. Данилова, создавались на месте крестьянских общин. Во время революций община явилась основной организующей силой крестьянских выступлений. Рассмотрению этой формы крестьянской жизни посвящена статья О. Файджеса.

Объясняя высокий уровень рождаемости в русской деревне, О. Файджес пишет, что крестьянам не было больше чем заняться, как производить детей (с. 348). Такое объяснение процесса рождаемости маститым историком обескураживает. В отличие от Европы и Америки, где в это время в сельском хозяйстве широко использовался труд наёмных рабочих, в России такая практика только нарождалась. И благополучие крестьянской семьи во многом зависело от наличия рабочих рук, в основном мужских. Благополучными, как правило, были семьи, где рождалось много мальчиков, наоборот бедными, где преобладали девочки. Вспомним хотя бы строчки Н. А. Некрасова, где на вопрос поэта встретившийся ему на дороге мальчик, везущий на лошади хвороста воз отвечал: « Семья то большая, да два человека всего мужиков, отец мой, да я».

Совершенно справедливо, в отличие от ряда современных российских историков, О. Файджес заявляет о пробуксовке столыпинских реформ ещё до начала Первой мировой войны. Февральская революция, как только рухнуло самодержавие, привела к тому, что владельцы хуторов и отрубов, кто добровольно, а кого заставили и силой, снова возвратились в общину. Это лишний раз показывает провал столыпинской аграрной политики. По мнению Файджеса, в деревне установилось непосредственное самоуправление, свободное от вмешательства дворянства и государства, а различные комитеты, крестьянские союзы, сельские Советы являлись не более, чем революционной формой общины.

Первые шесть месяцев большевики, по мнению автора, не тревожили село, поскольку у них не хватало сил для контроля над сельскими Советами. К тому же удовлетворив свои требования через местные сове-

ты, крестьяне равнодушно отнеслись к разгону Учредительного собрания, хотя и голосовали за эсеров.

В первые месяцы, после прихода к власти, большевики думали наладить прямой товарооборот с деревней, но из-за того, что промышленность в основном работала на фронт, производство товаров народного потребления было незначительным и товаров необходимых для обмена не хватало. В связи с этим они пошли на образование комбедов и посылку продотрядов в деревню. Большевики не заметили того факта, что благодаря декрету о земле деревня осереднячилась и бедняцкий элемент перестал быть определяющим. Комбеды просуществовали полгода и в ноябре 1918 г. были ликвидированы. Произошёл поворот большевиков сторону среднего крестьянства, от которого зависели, как поставки хлеба, так и пополнение для Красной Армии.

Следует также заметить, что для периода Гражданской войны Файджес явно преувеличивает влияние партии-государства в деревне. И сводит всё к тому, что запуганное большевиками крестьянство безропотно выполняло поступающие из центра указания. Если они были такими безропотными, то откуда тогда взялись «широкомасштабные крестьянские войны» 1920 – 1921 гг., по словам этого же автора (с. 354).

Процесс формирования сельской бюрократии Файджес связывает с молодыми крестьянами прошедшими мировую войну и составившими большинство волостных советов, например, в Поволжье. В своём большинстве они умели читать и писать, а главное получили знания о социалистической и атеистической идеологии, превратившись затем в профессиональных бюрократов, опору советской власти в деревне. Служба в Совете давала им возможность получить чистую работу в учреждении со всеми благами и привилегиями. (с. 353 – 354). Всё это не более чем умозрительные рассуждения, не основанные на конкретных знаниях. Если бы автор видел, в каких комнатушках ютились сельские советы в 60 и 70 гг. прошлого века, то о периоде Гражданской войны, его мнение, наверное, бы изменилось. В своих рассуждениях автор проявляет завидную непоследовательность. Так на с. 353 он пишет о доминировании партии-государства в волостных исполкомах, а на с. 354 о бюрократическом бессилии большевиков в деревне. Коллективизацию автор называет попыткой «искоренить традиционный деревенский мир». Хотелось бы знать, что под этим понимает Файджес. В его родной Англии с этим покончили несколько веков назад.

Культурной политике Большевиков посвящены статьи А. Маркова, Б. Колоницкого и К. Рида. Марков своё внимание сосредоточил на образовании. Внимательно изучив западную и отечественную литературу вопроса, автор пришёл к выводу о том, что в ближайшее время изучение проблемы пойдёт по пути рассмотрения духовного мира субъектов и объектов советской образовательной политики (с. 365). Далее он последовательно изложил борьбу группировок, как в самой учительской среде, так и с Народным комиссариатом просвещения. Следует заметить, что наступление на Закон Божий, в качестве предмета изучавшегося в школе, началось ещё при Временном правительстве. Абсолютно верно, раннюю профессионализацию советской школы, автор связал с большим количеством детей-сирот.

Марков также рассмотрел преобразования в высшей школе в 1917 – 1921 гг. и пришёл к справедливому выводу о том, что от первых попыток одномоментного перехода к подготовке специалистов из рабоче-крестьянской среды, большевики отказались, вследствие её провала, и перешли к государственной политике поэтапной подготовки специалистов в советской высшей школе. На наш взгляд, автор статьи подменил вопрос о классовом размежевании в среде учащихся и обучающих понятием «субкультура», однако классовые противоречия, как ни крути, никуда не исчезли. Из статей, представленных в Критическом словаре, по своей насыщенности фактическим материалом и разбору историографии она выгодно отличается от других материалов.

Особую роль в революции 1917 г. сыграла печать. В условиях того что в политику хлынули широкие массы населения и спрос на периодическую печать значительно вырос. Автор статьи Б. И. Колоницкий с цифрами в руках показал рост печати различных направлений в 1917 г. Именно печать стала формировать будущих противников по Гражданской войне. Автор также рассказал о финансовой помощи союзников тем органам печати, которые выступали за продолжение войны. Колоницкий также обратил внимание на то, что свобода печати с Февраля по Октябрь не была полной, и газеты закрывались, как по постановлению местных Советов, так и Временного правительства. В целом, статья достаточно информативна для периода с Февраля по Октябрь 1917 г.

Культурной политике большевиков определённое внимание уделил К. Рид. Сделав в начале статьи достаточно смелое заявление об утопическом характере марксизма, на том основании, что он хотел преобразовать природу человека, но этого хотел не только марксизм. Автор отдаёт

должное культурной политике большевиков и теоретическим разработкам В. И. Ленина в этом направлении, но после прихода к власти практические проблемы отодвинули на второй план проблемы культуры. Рид убедительно показал, что новации по перестройке образования натолкнулись как нехватку кадров и ресурсов, так и на сопротивление старого преподавательского состава. Также непросто шёл процесс и по реформированию высшей школы. Однако, Академия наук этими процессами до конца 20- х годов не была затронута. Автор обратил внимание на создание Агитпропа. Большое внимание он уделил Пролеткульту. Без особой аргументации Рид считает, что критика В. И. Лениным Пролеткульта исходила не из-за того, что пролеткультовцы нигилистически относились к культурным ценностям прошлого, а потому, что претендовали на независимую роль от партии. Далее автор делает упор на партийном контроле над культурой, но в 20-годы он находился ещё в зародышевом состоянии. Однако ни создание Главлита, ни Главреперткома, ни ГПУ в это время ещё не отразились в полной мере на развитии советской культуры. При этом автор пишет , что ГПУ «в 1922-м организовало массовую высылку из страны интеллигенции» (с. 517), а до этого на с. 515 писал , что выслали 200 человек. На массовость эта цифра явно не претендует.

К факторам способствовавшим вмешательству государства в вопросы культуры Рид относит бегство элиты, дезинтеграцию экономики: «Крах рыночных отношений и денежной экономики разорили культурное производство» (с. 517). Следовательно, ещё одна капиталистическая фабрика закрылась. Рид сожалеет, что не было журналов, непартийных газет, рынка искусства, богатых меценатов, независимых школ. Вообще-то специалисту по советской истории следовало знать, что журналы в это время существовали, хотя бы такой оппозиционный журнал, как «Летопись дома литераторов». Во время НЭПа функционировали частные издательства, а литературная жизнь хотя и в тяжёлых материальных условиях, но существовала. Если бы автор посмотрел книги Г. И. Ильиной, З. В. Степанова, С. А. Федюкина, то избежал бы многих нелепостей.

Следует отметить, что государство никогда не было меценатом, а поддерживало культуру в целом. Говорить о культурном контроле государства над культурой в Советской России, значит полностью не владеть фактическим материалом. Правда, тогда не совсем понятно почему « 1920-е годы стали «золотым веком» для приемлемых течений революционной культуры» (с. 518). Автор почему-то считает, что большевистские преобразования в области культуры « наталкивались на

мощное сопротивление благодаря водке и силе традиций». Вообще-то в это время действовал сухой закон. Стереотип о водке сопровождающей жизнь русского человека, так засел в западном сознании, что «колом его оттудова не вышибешь». Вместе с тем автор сожалеет, что «советская культура уже втягивалась в процесс, наглядным проявлением которого стал переход к сохранению «консервативных» культурных ценностей (реалистическая живопись, традиционные симфонические оркестры, балет, шахматы, спортивные соревнования и т.д.) за счёт революционного экспериментаторства» (с. 518). Именно в традиционном классическом искусстве советская культура достигла мировых высот, жаль, что Рид этого не заметил.

Вопросам религиозной политики посвящены статьи М. Шкаровского и Х. Кольма. Так, Шкаровский признаёт, что православная церковь встретила революционные потрясения 1917 г. в состоянии глубокого внутреннего кризиса, который развивался постепенно. В 1917 г. в православном духовенстве существовало значительное социальное расслоение и разнообразные политические симпатии, от монархических до социалистических. При этом Шкаровский пишет, что вопрос о демократизации церковной жизни ставился ещё до Февраля 1917 г., а после свержения царизма стал приобретать конкретные формы. Статья Шкаровского крайне политизирована, изобилует публицистическими штампами и не свободна от противоречий. Так, автор пишет, что «после Октября 1917 г. церковь должна была противостоять разгулу антирелигиозных сил, возглавляемая духовным вождём» (с. 386). При этом слово церковь везде пишется с прописной буквы, очевидно, этим автор подчёркивает свой пиетет перед рассматриваемым предметом. Или такой пассаж: « пережить агрессию атеистического государства» (с. 386).

Шкаровский также считает, что декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви «заложил основы бесправия церкви» (с. 387). Вместе с тем на этой же странице он утверждет, что антиклерикальная политика СНК имела объективную основу, так как «Народное движение после Октябрьской революции отчасти было реакцией на казённый национализм и религию и поэтому принимало универсалистский и антинациональный характер». На с. 393 автор опять повторяет тезис, о том, что объективной причиной гонений на религиозные организации был антиклерикализм «значительных слоёв населения» и добавляет: «Однако антицерковные настроения распространились в народе к октябрю 1917 года достаточно широко» (с. 393 – 394). По его мнению,

осуществлению декрета « Об отделении церкви от государства» мешало многомиллионное крестьянство, поддерживающее экспроприацию церковно-монастырской собственности, но выступавшее против гражданской метрикации, против «обмирщения» традиционного уклада жизни, устранения из преподавания «Закона Божия», ломки» незыблемых устоев жизни по вере в российской деревне. Автор утверждает, что после декрета начался массовый религиозный подъём (с. 388). Однако каких-либо данных на этот счёт не приводит. Требует также уточнение и высказывание о сотнях расстрелянных священников и монахов во время «красного террора» и о начале спекулятивных торговых операций церковными ценностями, которые осуществляло Советское государство в 1919 г. (с. 389), а также утверждения о том, что в 1919 –1920 гг. РКП(б) превратилась « в мощную силу правившую страной» (с. 390).

Шкаровский старается показать, что православная церковь не выступала ни на одной из сторон противоборствующих сил в Гражданской войне и тут же приводит цифры о том что более 3500 священников участвовало на стороне Белых армий (с. 390). В таком случае или патриарх не управлял подчинёнными священнослужителями, или те не считали его своим патриархом. Хочет того автор или нет, а церковь не приняла большевизм и боролась с ним доступными ей средствами. И большевики поступали с ней как с врагом.

Странно, что в статье не нашлось места о широко распространённом антисемитизме среди православного духовенства и того знака равенства, который они ставили между жидо-массонами и большевиками. Спорным является и утверждение автора о том, что «Антицерковные акции сильнейшим образом отразились на сознании всех основных социальных слоёв России и способствовали ужесточению Гражданской войны» (с. 389). Это рассуждение подводит читателя к мысли о том, что Гражданская война являлась противоборством клерикальных и атеистических сил и тем самым затушёвывается её классовый характер.

Любопытным для историка является и подход Шкаровского к изучению историографии вопроса. Так, он пишет, что «Советская историография отличалась крайней тенденциозностью и несла сильный идеологический отпечаток официального негативного отношения к религии». Что касается англоязычной, германской, русской эмигрантской и диссидентской литературы, то автор считает, что она наиболее полно и реалистично осветила политику советского государства. В то же время Шкаровский признаёт наличие в историографии различных оценок в позиции

церкви и ограниченную источниковую базу исследований. Вообще-то, эта база называется высасыванием из пальца. О реалистичной оценке политики советской власти в религиозных вопросах в работах, написанных в годы «холодной войны» говорить просто не приходится, что касается эмигрантской литературы, то это сплошные происки жидо-массонов, пытавшихся уничтожить истинную православную веру. Жаль, что автор не назвал авторов этих писаний и названий их трудов.

Помимо Православной церкви в России существовали христиане нецерковных вероисповеданий, восторженно встретивших падение царизма и об этом пишет Х. Кольма. Февраль дал сектантам свободы, которых они раньше не имели. После установления Советской власти, несмотря на декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» положение сектантов было несколько лучше, поскольку управляющим делами СНК являлся В. Д. Бонч-Бруевич, признанный специалист в области старообрядчеств и сектантства. Так, для тех, кто по религиозным убеждениям не мог служить в армии, служба заменялась общеполезной работой. В 1926 г. эта льгота была отменена. Некоторую поддержку Советская власть оказала и сектантским коммунам.

Одним из важных вопросов, который стал перед советской властью, стал вопрос об уравнивании в правах мужчин и женщин, освобождении последних от рутинной домашней работы и революционной перестройке домашнего хозяйства. Этим проблемам посвящена статья Э. Уотерс «Семья брак и отношения между полами». Однако представления о будущем и конкретная действительность не совпадали и поэтому надежды на быстрое преобразование общества оказались неосуществимы. Заменить семью общественным воспитанием так и не удалось, хотя сеть дошкольных учреждений и расширилась.

Важным элементом в семейных отношениях стали брак и развод. Декреты советской власти упростили и демократизировали вступление в брак и его расторжение, обеспечив равенство и независимость сторон. Автор также обратила внимание на трудности связанные с применением этих декретов в Средней Азии, где были сильны мусульманские обычаи.

Рассматривая отношения между полами, Э. Уотерс пришла к выводу о различных мнениях в большевистском руководстве по этому вопросу. К тому же в условиях Гражданской войны, когда вопрос стоял о жизни или смерти советской власти этими вопросами заниматься было попросту некогда. К вопросу отношений между полами вернулись уже после окончания боевых действий. Тогда началось и переосмысление опыта

отношений между полами в условиях революции и Гражданской войны. Здесь следует отметить, что сильный удар по традиционным отношениям полов нанесла Первая мировая война, а гражданская война стала её продолжением. Одним из новых законов был закон разрешавший аборты в больничных условиях. Различные подходы высказывались и по борьбе с проституцией.

Проблемам положения женщин в Российской империи посвящена статья Б. Э. Клементс. Автор считает, что несмотря на все социальные различия, для всех женщин, по мнению автора статьи, существовала одна трансцендентальная реальность, имя которой патриархат, господствовавший в России начала XX в. И вот, что пишет Клементс: «От древних городов Кавказа до рыбацких деревень на Белом море женщины жили в патриархальном обществе, предопределявшем их подчинённость мужчинам. В результате в переживаниях времён революции они обладали общностью судьбы, которую историки могут исследовать» (с. 471). Далее автор касается жизни крестьянок до революции и приходит к выводу о его неизменности на протяжении многих поколений. Описывая жизнь горожанок при «реакционном царском режиме» автор приходит к выводу о том, что он сдерживал социальную активность женщин, а отсюда слабое феминистское движение и большая доля женщин в политических партиях. Следует отметить, что термин горожанка является крайне расплывчатым и не отражает всех социальных групп женщин, проживавших в городе. Вообще термин горожанин, горожанка имеет скорее бытовое, чем научное содержание.

Автор справедливо говорит об участии женщин в Февральской революции и последующих событиях. Здесь следует добавить, что ещё до Февральских событий женщины- работницы наряду с мужчинами активно участвовали в забастовочном движении. В своей статье автор делает акцент на том, как надо проводить исследования по половому признаку. Автор считает, что события 1917 – 1921 гг. не привели к изменению отношений между полами. Причину этого она видит в том, что историки рассматривают революцию, как линейную последовательность действий и их последствий, а надо « как беспорядочную смесь распадов и воссозданий» (с. 474). Что означает это наукообразие заокеанской исследовательницы понять весьма сложно.

Клементс считает, что революция в России покончила с патриархатом, хотя последующее изложение говорит о том, что это явление не было полностью изжито и в дальнейшем. Говоря о последствиях революции

для крестьянок, автор заостряет внимание на их консервативной стороне, как борцов с Советской властью ради сохранения традиционных отношений в деревне. В данном случае не хватает конкретных фактов, а одними рассуждениями ничего доказать нельзя. Конечно, в деревне процесс женской эмансипации шёл медленнее, чем в городе, но тем не менее движение было. По мнению автора, господство мужчин над жёнами продолжалось вследствие того, что на полях они управляли техникой, а женщины занимались ручным трудом. В советской деревне, в первые годы советской власти, механизация труда была крайне низкой, и ручной труд являлся уделом и мужчин и женщин.

Автор справедливо утверждает, что деятельность коммунистической партии по эмансипации женщин в СССР стало одним из важнейших завоеваний революции. В результате — женщины стали равноправными членами общества. К ограниченности советской системы эмансипации автор относит обременённость женщин домашним хозяйством. Советская власть тратила деньги не только на танки, но и на детские сады, ясли, пионерские лагеря. Однако если не будет танков, то и детские сады не понадобятся. Ну и конечно, основной трудностью в жизни советских женщин, помимо бытовых, по мнению Клементс, было отсутствие противозачаточных средств (с. 478). Главное, как полагает автор, в изучении половых различий – это подорвать «патриархальные утверждения о мужском превосходстве, так долго влиявшие на само написание истории» (с. 480).

Одним из сословий, цементирующих русский царизм, явилось дворянство. В статье Д. Ливена, посвящённой этому сословию, автор делит дворянство на аристократию (не поясняя, кого он сюда включает) и потомственное дворянство, которое в свою очередь делилось на потомственное по рождению и выслуге и титулованное и нетитулованное. Ничего не говорит автор и о тех, кто получил личное дворянство. По мнению Ливена, аристократическая элита являлась достаточно однородной, в то время как потомственное дворянство было велико и разнородно. (с. 453). Основой благополучия аристократии была земля. При этом Д. Ливен показывает, что ситуация с дворянским землевладением в России была не столь плачевна, как это принято считать. Однако на чём основывает автор это утверждение остаётся не ясным. По мнению автора, после революции 1905 г. дворянство окончательно осознало, что только царизм дал ему выжить, подавив крестьянские выступления, и это ещё больше сблизило его с самодержавием. По мнению Ливена, к

июлю 1917 г. поместное дворянство встало на сторону контрреволюции и поддержало бы военный режим, установленный путём государственного переворота. Тем самым автор ещё раз подтвердил, что поддержка поместного дворянства Белому движению основывалась на сохранении его земельных владений.

Не совсем понятен для нас принцип внесения беженцев в раздел «Социальные группы». Автор статьи П. Гэтрел называет беженцев социальной категорией, но они были не однородны и включали в себя различные социальные группы, у которых имелся различный уровень образования и профессиональных навыков, неодинаковое материальное положение и всё это, безусловно, влияло на их обустройство, на новых местах проживания. При этом автор называет их новой категорией подданных (с. 462). Довольно странно выглядит утверждение автора о том, что «Революция 1917 года усилила это ощущение классовой поляризации. Однако острота классового конфликта быстро притупилась в ходе Гражданской войны» вследствие деклассирования населения городов, превратившегося, по мнению автора в какую то бесформенную массу, воспользовавшись этим, большевики разделили население по социальным категориям (с. 468).

Социальной группой, сыгравшей важную роль в истории России XIX – XX веков стала интеллигенция. Не совсем понятны утверждения автора статьи Д. Бурбанк о том, что в России накануне Первой мировой войны интеллигенция, как единая группа оказалась на грани исчезновения. Следует отметить, что единой группой она никогда и не была, но никуда и не исчезала. После же Октября 1917 г., интеллигенция, по мнению Бурбанк, превратилась в группу «с антигосударственными, прогрессивными ценностями», к тому же в СССР интеллигенция сгруппировалась вокруг оппозиционных принципов. Автор делит интеллигенцию на две группы: одна была связана с проведением большевистской революции, другая отличалась своей оппозиционностью к Советской власти. (с. 482). Умозрительность этих определений простительна, для западного историка плохо знакомого с реалиями русской жизни.

Бурбанк рассмотрела споры в дореволюционной историографии об интеллигенции. Жаль, что в статье автор не нашла места такой работе, как монографии О. Н. Знаменского « Интеллигенция и революция». Однако, на наш взгляд, не только 1917 г. поставил перед интеллигенцией осмысление национальных целей. Таким событием стала Первая мировая война, из которой и выросла русская революция. Далее проблему интел-

лигенции автор сводит к критике действий большевиков и В. И. Ленина, якобы обещавших немедленное построение социализма. В действительности Ленин в заметках «О нашей революции(по поводу Записок Н.Суханова)» говорил о том, что Октябрьская революция создала только предпосылки для построения социализма.

В числе критиков большевиков оказались эсеры (М. Вишняк), анархисты (П. А. Кропоткин), либералы (П. Н. Милюков), философы (Н. Бердяев), евразийцы (Н. С. Трубецкой), сменовеховцы (Н. В. Устрялов). Таким образом, проблема интеллигенции свелась у Д. Бурбанк к критике большевизма отдельными представителями интеллигенции. Не совсем понятно и на чём основано и утверждение Бурбанк об утрате советской интеллигенцией веры в народ.

Одной из важных структур российского общества явилось казачество и не столько по своей численности, сколько по военной значимости в годы революции и Гражданской войны, особенно на Юге России (Донское и Кубанское казачье войско) . Автор статьи Ш. О. Рурк в основном объективно показал суть противоречий в этих областях, которые сводились к противоборству между казаками и крестьянством из-за перераспределения земли. Однако не всё было благополучно и в самом казачьем обществе. Существовало противоборство между рядовыми казаками и казачьей элитой. При этом автор считает, что нельзя делить казаков на кулаков, середняков и бедняков (с. 495), правда, затем он признаёт некоторое расслоение и пишет, что оно шло по другим линиям (с. 496), но по каким не уточняет. Далее автор обращает внимание на недовольство казаков усилением «бремени военной службы, царской России, ставшей невыносимой для многих казаков» (с. 496). Сразу встаёт вопрос, а кто входил в эту группу «многих»? Однако, ответа читатель не получает.

В качестве особой группы Рурк выделяет казаков –фронтовиков. В таком случае можно выделить крестьян-фронтовиков и рабочих-фронтовиков. Дело состоит в том, что Первая мировая война породила новый тип русского человека, инициативного, готового принимать самостоятельные решения и это подтвердила революция и Гражданская война. Именно этот «человек с ружьём» и стал приводным ремнём революции. Следует отметить, что непростые отношения казаков с Советской властью коренились, как в весьма распространённом взгляде на казаков, как душителей революции, так и на противоречия между казаками и крестьянами по земельному вопросу, поскольку крестьяне требовали пере-

дела казачьих земель, как помещичьих и церковных. Советская власть поддерживала эти требования.

Следует отметить, что идея независимости казачьих областей не воспринималась как большевиками, так и белыми и большинством не казачьего населения. Говоря о политике «расказачивания», автор делает акцент на преступной политике партии большевиков, забывая сказать, что директива от 24 января 1919 г. принималась Оргбюро ЦК . Её автором выступило Донбюро РКП(б), которое было непримиримо к донскому казачеству. В связи с этим надо отметить, что большевики на местах, находясь в гуще борьбы, действовали более жёсткими методами, чем центр. Уже 16 марта ЦК РКП(б) отменил эту директиву. Это лишний раз опровергает разговоры о монолитности и всесильности партии большевиков. В период проведения расказачивания было расстреляно 1000 человек. В тоже время в период правления на Дону Краснова расстреляно и повешено 45 тыс. казаков. Драматизм событий революции и гражданской войны на Дону описаны в романе М. Л. Шолохова «Тихий Дон» и обращение к этому художественному произведению помогло бы автору лучше понять происходившее на Дону и понять особенности казачьей психологии.

Исправление ошибок допущенных Советской властью привело к тому, что в октябре 1919 г. в конных частях Красной Армии служило около 40 тыс. казаков, а в Донском конном корпусе армии генерала Врангеля в 1920 г. около 6 тыс. человек. Жаль, что автору почему-то неизвестно, что казаки также успешно сражались против польской агрессии в 1920 г. Ряд штампов, которые присутствуют в статье, можно было бы избежать, обратись автор к работам историка казачества Л. И. Футорянского.

В третий раз к проблемам русского крестьянства на страницах Критического словаря возвращается О. Файджес. Складывается впечатление, что статьи были написаны в разное время, и автор, подавая их в редакцию, не счёл нужным перечитать. Отсюда повторы в сюжетах и противоречия между статьями.

Краткий историографический обзор не даёт всего разнообразия советской историографии по крестьянскому вопросу в данный хронологический период. Несколько однобоко изображается период 20-х – 30-х гг., как время подверженное ленинским догмам о делении деревни на бедняков и кулаков. В это время, например, проводились интересные социологические исследования на тему, кого сами крестьяне относили к кулакам.

Весьма странным выглядит утверждение Файджеса о том, что крестьянские сыновья вовлекались в сезонные работы за заработную плату. Все крестьянские дети работали на своих наделах, а во время косьбы, уборки хлеба выходила вся община, чтобы как можно скорее закончить уборку. В отношении сельской грамотности автор несколько переусердствовал. Умение читать и писать ещё не давало возможности использовать новые технологии, а также знаний по функционированию денежной и финансовой системы, возможности разбираться в различных законодательных актах. Не следует преувеличивать и число грамотных крестьян в деревне. Когда автор говорит о благополучии крестьян, то в качестве примера приводит деревянный пол в доме. Где это интересно автор видел в русских деревнях глиняный пол. Пол мог быть только деревянным, иначе жить в такой избе зимой было бы невозможно.

Говоря о крестьянской идеологии, О. Файджес справедливо относит к ней понятия земли и воли, забывая о третьей составляющей, которой являлась справедливость. Автор сводит крестьянскую революцию к войне против городов, а городов против крестьян и никакой классовой борьбы. Однако представлять себе, что крестьяне, получив землю, думали замкнуться в пределах собственной общины, и будут жить натуральным хозяйством, значит примитизировать сознание крестьян. Они не хуже кого-либо понимали значение промышленности, как поставщиков нужных им товаров. Вместе с тем, видя обесценивание рубля, и зная цену произведённого ими хлеба, они отказывались его продавать. Срабатывал основной закон капитализма, прибыль любой ценой, несмотря на общественную необходимость в продуктах. И в данной ситуации государство должно было выступить в качестве регулятора общественных интересов, обуздав собственнический инстинкт. Ни царское, ни Временное правительство не смогли справиться с этой задачей, и только большевикам она оказалась по силам.

Следующим этапом взаимоотношений крестьянства с государством стал приход большевиков к власти. Бездоказательно звучит и вывод автора о том, что рядовые большевики и особенно из крестьянской бедноты с ненавистью относились к крестьянству. Встаёт вопрос, к какому? По мнению автора, сопротивление большевикам до полномасштабной крестьянской войны не дошло (с. 509), а на с. 359, 360 он же пишет о наличии полномасштабной крестьянской войны.

Не забыл Файджес сказать о войне крестьян против белых. Здесь можно вполне согласиться с автором, что белых крестьяне боялись боль-

ше красных, поскольку с их победой они связывали появление помещиков и отобрание поученной от Советской власти земли. В Сибири, где не было помещиков, произвол колчаковской администрации толкнул крестьян к красным.

Справедливо и замечание Файджеса о том, что НЭП являлся единственной дорогой на пути движения такой крестьянской страны как Россия к социализму. Однако наполнение магазинов продовольствием было не по карману многим рабочим и значительно выросшей армии безработных. Поэтому отход от НЭА многими был воспринят положительно.

Статья П. Кенеза об офицерах основана на опубликованном исследовании в Soviet Studies в 1980 г. с добавлением в список литературы нескольких работ двухтысячных годов. Однако от старых клише автор так и не избавился. Выходцы из социальных низов вполне могут быть защитниками интересов высших классов. Далее он рассказывает о том, как проходила подготовка офицеров и обращает внимание на их достаточно низкий общекультурный и политический уровень. Упоминает Кенез и о распространении антисемитизма в офицерской среде и на различие в понимании патриотизма офицерами и большинством русского народа.

По мнению П. Кенеза, во время революции офицеры почувствовали себя обманутыми политиками, которым перестали доверять во время Гражданской войны. Автор также считает, что мятеж Корнилова был направлен фактически против Временного правительства, а не Советов. Пассивность офицеров во время Октябрьского вооружённого восстания он объясняет неприязнью к либералам и социалистам.

Переходя к Гражданской войне, Кенез считает, что многие беды белого движения были связаны, с неумением наладить местное управление. В качестве управленцев приглашали либо царских бюрократов или использовали офицеров, не имевших соответствующего опыта. В свою очередь крестьяне видели возвращение царских чиновников изгнанных революцией вместе с Добровольческой армией и не доверяли ей. Автор справедливо пишет об абсурдности утверждения белых вождей о том, что армия вне политики, над классами, не борется за узкоклассовые интересы, поскольку сама Гражданская война действие политическое, а нейтралитет на деле склонялся на сторону богатых и могущественных. Кенез прав, когда говорит, что «Отношение к земельному вопросу нагляднее всего показывает политическую несостоятельность генералов» (с. 526). Краеугольным камнем белого движения стал национализм,

соединившийся с консерватизмом. Однако крестьяне остались глухи к патриотическим призывам.

Исследований о русских промышленниках в годы революции и Гражданской войны не так и много. Поэтому статья П. Гэтрелла вызывает определённый интерес. Начиная свой рассказ с довоенного десятилетия, автор пишет, что «Покровительственные тарифы во Франции и Германии защитили традиционное производство железа и стали от худших последствий иностранной конкуренции» (с. 528). Когда же автор говорит о царской России, то о протекционистских тарифах, установленных правительством, он говорит уже в отрицательном смысле (с. 528 – 529). В отличие от Западной Европы русские промышленники и финансисты не установили связей с аристократией. Автор подчёркивает также политический паралич русской промышленный элиты и её неспособность образовать собственную политическую партию. Промышленники в основном занимались лоббированием в царском правительстве своих интересов, при этом большинство из них сопротивлялось реформам в области труда и благосостояния рабочих, повышении зарплаты и сокращении рабочего дня.

Революция побудила петроградских промышленников пойти на классовое сотрудничество и удовлетворить ряд требований рабочих о повышении заработной платы и сокращении рабочего дня. Автор справедливо отметил ожесточённое соперничество и разобщённость между различными группировками промышленников, которое мешало их объединению. По мнению автора, меры, которые предлагали предприниматели, были хороши для начала века, но не для 1917 г. (с. 535). Что касается взаимоотношений Советского государства с промышленниками, которые велись в тот период времени, то каких-либо результатов они не дали.

Среди социальных слоёв русского города, особенно в промышленных районах, значительное место занимали рабочие. Свой взгляд на рабочих в русской революции высказывает С. Яров. Заявление автора о том, что «Первые годы революции не принесли рабочим обещанных материальных благ» выглядит бездоказательно (с. 544). Следовало перечислить те блага, которые им обещали. Довольно странно во время войны говорить о «крепостнической» системе в промышленности и транспорте и «закрепощении». Милитаризацию труда в 1917 г. предлагал ещё Верховный главнокомандующий генерал Л. Г. Корнилов. Вообще автор демонстрирует редкое непонимание ситуации, о которой пишет.

Новый виток безработицы был связан не только с курсом на централизацию, но и начавшейся демобилизацией армии. Суть лозунга

«Фабрики — рабочим» — это продолжение политики фабзавкомов на установление рабочего контроля на предприятиях. Однако война показала необходимость введения единоначалия на предприятиях и большевики на это пошли. Объяснять просьбы рабочих о национализации предприятий патерналистскими настроениями вряд ли правомерно. Их для начала следует выявить. Саботаж это не просто слово. Или автор считает, что саботажа не существовало, тогда надо так и сказать, что саботаж это выдумка большевиков. Для нашего автора и рабочий контроль плох и сменившие его органы ВСНХ тоже (с. 547). По мнению автора, единоначалие привело к тому, что рабочий перестал чувствовать себя хозяином завода, и в результате этого произошло падение трудовой дисциплины и возникновение забастовок. А на протяжении февраля – октября 1917 г. он себя чувствовал хозяином?

Не совсем ясно из чего исходит Яров, когда пишет, что правительственная пресса преувеличивала влияние эсеров и меньшевиков на забастовки в Петрограде в 1919 – 1921 гг. Хотя автор статьи об эсерах Мелансон утверждает обратное. На наш взгляд, странным представляется и мнение автора о том, что падение дисциплины и производительности труда является специфической формой протеста (с. 548). Таким образом, любое разгильдяйство, можно трактовать, как форму протеста. Послеоктябрьская анархия являлась инерцией событий 1917 г. В изложении Ярова нет ясности и в вопросе о том, являются ли невыходы на работу и прогулы одним и тем же или это разные явления. При этом нельзя сравнивать между собой невыходы на работу с падением производительности труда. Причины у этих явлений разные.

Яров, вслед за Д. Конкер считает, что поддерживая большевистские лозунги, рабочие не всегда являлись сторонниками их доктрин. На мой взгляд, лозунг это упрощённое понимание доктрины. Хотелось, чтобы автор привёл несколько примеров раздвоения сознания рабочих. Не совсем ясен и термин «политические импровизации» рабочих (с. 549). По-новому звучит тезис о том, что «Рабочие не оказали ощутимой поддержки большевистскому перевороту». Однако одного свидетельства Н. Н. Суханова маловато.

Низкую оценку даёт автор и красногвардейским отрядам, которые использовали «Идеологическую риторику, как ширму для удовлетворения групповых или личных интересов, далёких от политики» (с. 549). Иначе говоря, красногвардейцы в изображении Ярова, не то шкурники, не то уголовники. Жаль, что не дожил до этих времён известный исто-

рик революции и в частности одной из лучших книг о красной гвардии В. И. Старцев. Но поскольку лев умер, можно писать всё что попало.

После прихода большевиков к власти рабочие начинают проявлять свою оппозиционность. В качестве примеров Яров приводит ряд забастовок, которые были связаны с определёнными экономическими условиями. И далее следует абсолютно гениальная фраза: «Тем не менее, в первые послереволюционные годы происходило медленное, зачастую неотчётливо осознанное приспособление рабочих к новому режиму. Они всё чаще использовали большевистскую терминологию, с её помощью объясняя себе и другим окружавшие их явления» (с. 549). Выходит, что не реальная жизнь формирует сознание людей, а языковые формулы являются первичными.

Говоря о волнениях в Петрограде в феврале – марте 1921 г. Яров пишет: «Мощный социальный взрыв, оказавшийся политически бессильным, — яркое свидетельство новой духовной ситуации в российском обществе» (с. 549). Хотелось бы выяснить, что это волнения или мощный социальный взрыв, а во вторых события 1921 г. привели к резкому повороту в политике и переходу к НЭПу, которую нельзя сводить только к замене продразвёрстки продналогом. Это был поворот в общей политике государства и на это обращается мало внимания.

Весьма любопытно и признание Ярова о том, что политические лозунги, которые выдвигались протестующими рабочими в Петрограде, оказывается, были привнесены извне. Вот это правильно.

Важную роль в русской революции сыграли солдаты и матросы. Об их вкладе в революционный процесс рассказывает статья И. Модсли. Сначала автор приводит ряд общеизвестных данных о численности и составе царской армии, и её потерях в годы Первой мировой войны и участии в революционных событиях 1917 г. Крайне скудные познания автор демонстрирует об участии флота в революции. Переходя к истории Гражданской войны, автор приводит ряд цифр в достоверности которых можно усомниться. В частности со ссылкой на О. Файджеса он пишет о 3 млн. 710 тыс. дезертирах за 1918 – 1920 гг. Если по его же данным в 1920 г. в армии было 4 млн. 400 тыс. человек, то кто же воевал на фронте. К сожалению, автор не использовал работы С. Оликова, Ю. А. Полякова, С. В. Житомирской и статистический справочник «Гриф секретности снят». Полное незнание предмета демонстрирует Модсли, когда говорит, что «армии белых насчитывали максимум 100 тыс. человек» (с. 562).

Статья Д. Орловского озаглавлена «Средние слои в 1917 г.». Сразу возникает вопрос, а не перепутал ли автор западную историю с русской? В России существовали сословия, и об этом не следует забывать. Все «белые воротнички» являлись представителями какого-либо сословия. Модернизировать российский процесс, подгоняя его под западные категории занятие бессмысленное

Последствием революции и Гражданской войны стала русская эмиграция. Автор статьи Р. Уильямс считает, что за границей оказалось 2 – 3 млн. беженцев. Как показали современные исследования В. И. Хрисанфова и Гусефф их было 600 – 700 тыс. человек. Странно, что занимаясь вопросами эмиграции автор обошёл книги таких советских исследователей, как Л. К. Шкаренкова, Г. Ф. Барихновского, и ряда других историков, основанных на хорошей проработке различного вида источников. Следует заметить, что армия генерала Н. Н. Юденича не эвакуировалась из портов Прибалтики, а перешла границу с Эстонией и была разоружена.

Достаточно объективно Р. Уильямс освещает жизнь простых русских людей за границей, сетуя, что на их жизнь обращали меньше внимания, чем на культурную жизнь эмиграции. Он справедливо отмечает, что немногие эмигранты могли легко найти работу или получить образование, поскольку их дипломы и аттестаты в новом обществе ничего не значили. Нищета и схождение вниз по социальной лестнице стали обычным явлением. Любопытное соображение автор высказал относительно празднования дня русской культуры (6 июня – в день рождения Пушкина) или конкурса «Мисс Россия», по его мнению, они « лишь маскировали тяжёлую реальность эмигрантской жизни» (с. 571). Вполне справедливо.

Говоря о политической жизни эмиграции, Р. Уильямс замечает, что в эмиграции сохранился весь политический спектр от «Союза русского народа» до анархистов. Все они были непримиримыми врагами Советской власти и одновременно враждовали между собой.

Интеллектуальная и культурная жизнь эмиграции, по мнению Уильямса, являлась отражением Серебряного века. «В общем – пишет автор, — эмигрантская мысль была скорее продолжением дореволюционных споров и дискуссий, чем распахиванием целины» (с. 574). И с этим можно согласиться.

Определённую роль в истории русской революции, как и во всякой другой принадлежит ритуалам и символам. Обращаясь к Февральской революции, Р. Стайтс справедливо замечает, что поначалу ритуалы

складывались спонтанно. Вместе с тем следует быть более точным в терминах. Так, например, термин «ветераны-радикалы» не имеет никакого конкретного содержания, как и представители «верхней части средних слоёв», затем появляется пресловутый «средний класс». Довольно странно звучит заявление автора о том, что Временное правительство и Петроградский Совет заседали в Таврическом дворце (с. 553).

Рассказывая о советских символах, автор утверждает, что художники изображали мужчину с молотом, а женщину с серпом. В этом случае надо привести годы, когда такие изображения появились, поскольку сначала изображался рабочий и крестьянин как символ единения двух классов Советского общества. Автор также призывает историков искать половые признаки города и деревни в символах того времени (с. 555). В связи с этим у меня встаёт вопрос, а зачем и что это даст?

Весьма странно звучит и утверждение о том, что «Ленин, убеждённый во врождённой пассивности массовой аудитории предписал сопровождать открытие памятников чтением лекций поясняющих их точное значение» (с. 555). Дело не в пассивности, а в неграмотности и культурной отсталости широких масс населения. Следует также напомнить автору, что формирование советского праздничного стиля зависело, как от уровня образования и общей культуры широких народных масс, так и от тех художников, которым поручалось оформлять эти праздники.

Гражданская война в России, как и любая война, была связана с различного рода ограничениями в области экономики. Таким ограничением явилась и политика военного коммунизма. К особенностям военного коммунизма С. Малли относит перераспределение земли, но к лету 1918 г. она уже была крестьянами перераспределена.

Национализация промышленности для капиталистических стран не только в военное, но и в мирное время не новость. Другое дело, что в Советской России произошла национализация не только крупной, но и мелкой промышленности, при этом инициатива на первых порах исходила от рабочих, а не государства. В своих рассуждениях автор отталкивается не от источников, а от заранее придуманной схемы говорящей, что «Происхождение военного коммунизма искать надо, прежде всего, в проектах и целях его действующих лиц» (с. 578). И самое главное, что «Понимание происхождения военного коммунизма помогает понять его наследие – развитие и крах советской системы» (с. 578). После таких заявлений становится ясно, к каким выводам придёт автор. Теперь только подбирай факты и варево готово. И далее идёт известная жвачка об

антирыночном хозяйстве, о том, что В. И. Ленин задумал тип полицейского государства, а коммунизм был для него «военным коммунизмом».

По мнению С. Малли, имея не слишком большую поддержку населения, правящая партия уцелела в 1919-м и 1920–м гг. только благодаря вооружённым реквизициям продовольствия и фуража. Автор пишет, что на контролируемой большевиками территории проживала наибольшая часть населения. Малли следовало бы знать, что на протяжении гражданской войны территория, контролируемая Советской властью, то сжималась, то расширялась и о преобладании населения на советской территории можно говорить только к концу 1920 г.

Автор силится доказать, что Советская власть, выстояла благодаря слежке партийцев и комиссаров за военными и гражданскими специалистами, « безудержной жестокостью большевиков, не позволявших Красной Армии отступать, отсутствием единства у контрреволюционеров и их неспособностью найти приемлемые политические альтернативы» (с. 587). При этом он апеллирует к такому «авторитету», как Р. Пайпс, приводя малодостоверные данные о потерях Красной Армии и количества дезертиров на 1919г. в 1млн.761 тыс. человек (с .587). Если сравнить с приводимой в статье И. Модсли численностью Красной Армии 2 млн. 32 тыс. на 1919 г. (с. 561), то у западных коллег получается, что в Красной Армии служило 271 тыс. человек. Автор пишет, что «Военный коммунизм оставил страну разорённой и опустошённой» (с. 587), забывая при этом сказать о том вкладе, который внесла интервенция и блокада в бедствия русского народа.

С проблемой «военного коммунизма тесно связано введение хлебной монополии, о которой пишет Л. Т. Ли. При этом борьбу между различными классами автор, как и ряд западных историков, подменяет столкновением города с деревней. В начале статьи автор попытался разобраться с терминологией и пришёл к оправданному выводу о том, что реквизиция, налог и развёрстка являются способами наложения повинностей на население и как хлебная монополия не связаны ни с капитализмом, ни социализмом.

Л. Ли рассматривает введение хлебной монополии ещё Временным правительством и наследство, которое досталось от этой меры большевикам виде мешочничества. Неудача с «продовольственной диктатурой» привела к установлению продразвёрстки, которая впервые была использована царским правительством в конце 1916 г. При этом развёрстку автор рассматривает, как приспособление к существовавшим реальностям. К

системе разверстки, по его мнению, пришли по двум причинам, не было достаточного количества товаров для обмена на продовольствие и отсутствовала информация об отдельных хозяйствах.

В заключении автор предлагает читателю рассматривать все действия большевиков в крестьянском вопросе, а следовательно и саму революцию как национальную трагедию. В таком случае и изучать ничего не надо. Русская революция это национальная трагедия и нечего голову ломать и изводить бумагу.

Из политики «военного коммунизма» и политики большевиков по крестьянскому вопросу западные историки выводят и голод 1921 г., которому посвящена статья Д. Ч. Энгермана. Автор сосредоточился в основном на деятельности правительственных и неправительственных организаций по помощи голодающим в Поволжье и в частности на работе Американской администрации помощи (АРА). Её деятельность, по словам автора, имела как гуманную так и экономическую составляющие, поскольку избавляла США от излишков зерна, а следовательно и повышала его цену. В деятельности АРА далеко не всё было так благостно, как этот могло показаться, и это отметил автор. Некоторых сотрудников организации уличили в контрабанде, много средств шло на содержание аппарата. Повышение урожая зерновых в России в 1922 г. привело к тому, что Россия начала вывозить хлеб, чтобы закупать промтовары, хотя голод ещё не был преодолён. В 1923 г. АРА покинула Россию. Дальнейшее изучение соотношения помощи АРА с деятельностью СНК и других организаций позволит более объективно оценить результаты помощи.

Проблемам повседневности жизни и быта россиян в годы революции и Гражданской войны посвящена статья У. Розенберга. Автор начинает статью с демографических проблем вызванных мировой и Гражданской войнами. Несколько настораживает цифра потерь населения в годы Гражданской войны в 19 млн. человек. Автор основывается на цифрах американского демографа Ф. Лоримера, но есть не менее компетентные работы советских исследователей: Урланиса, Ю. Полякова, С. А. Житомирской, «Население России в XX веке. Исторический очерк. Т. 1. 1900 – 1939». Действительно население Петрограда и Москвы резко сократилась за годы Гражданской войны, но это произошло не только за счёт увеличения смертности от голода и эпидемий, но и в результате эвакуации населения и призывов в армию (с. 595). Хотя на с. 600 автор говорит об эвакуации 100 тыс. рабочих Петрограда в декабре 1917 – июне 1918 г., но это явление имело место и в последующие годы. Заявление Розенберга о том,

что демографическая катастрофа этого периода превысила соответствующую убыль населения во время Второй мировой войны является голословным. Необходимо сравнить соответствующие данные за эти периоды.

Далее Розенберг попытался представить «кризис повседневной жизни» имевший место в 1914 – 1921 гг. Автор показывает возросшую безработицу, забастовки на заводах, снижение заработка, перебои в снабжении продовольствием, инфляцию, съедавшую все прибавки к зарплате, остановку многих заводов из-за нехватки ресурсов, сырья и заказов. Особенно сильно голод ударил по населению Петрограда, увеличилось количество потерянного времени на производстве. Все эти последствия экономического кризиса отражались на повседневной жизни населения в целом и особенно городов. Несмотря на все потрясения этого времени, Советская власть выстояла и победила. Однако о причинах этого явления Розенберг ничего не говорит.

Национальный вопрос в рамках Российской империи являлся наряду с вопросом о мире, земле, одним из приоритетных. Этой проблеме посвящён раздел «Национальные движения и областничество». В статье Р. Г. Суни проводится мысль, что Февральская революция дала надежды разрешить национальный вопрос юридическим путём. Однако реалии жизни оказались более сложными, чем казались. Автор рассмотрел, как национальный вопрос предлагали решать кадеты, эсеры, социал-демократы в своих программах и как изменились их взгляды, когда они вошли во Временное правительство. Главным в политике Временного правительства стало сохранение единства территории прежней империи, однако, как правильно подметил автор, уступка с признанием независимости Польше возбудила аппетиты и у других народов. Основной вывод Суни сводится к тому, что «либералы и социалисты верили в национальное самоопределение на уровне политической теории, но когда нерусские народы выбрали отделение, интересы государства взяли верх над принципом» (с. 622).

Одной из специфических проблем в национальной политике Российской империи являлся еврейский вопрос. Статья Д. Д. Клиера называется «Евреи». Этим названием автор даёт понять, что существовала некая единая общность – евреи. Хотя существовали, как социальные (бедные, богатые), так этнические различия (грузинские евреи, бухарские евреи и т.д.). Таким образом говорить о некой единой общности вряд ли правомерно. Правда затем автор говорит о распаде еврейской общности на различные политические течения, которые в основном соответствова-

ли русским политическим течениям и соперничали между собой. Особо выделяет автор сионизм, как наиболее влиятельную идеологию среди евреев после Февраля 1917 г.

Справедливо говоря о притеснениях со стороны царского правительства в отношении евреев, автор несколько, на наш взгляд, преуменьшает численность евреев преуспевших в бизнесе, ограничившись именами Е. Гинцбурга и С. С. Полякова и ничего не сказав о финансистах, деятелях культуры и журналистики. Было бы интересно рассмотреть ситуацию с «выкрестами» — евреями, перешедшими в православие и добившимися продвижения по служебной и социальной лестнице.

В целом оценивая взаимоотношения Советской власти с евреями, автор приходит к несколько парадоксальному выводу о том, что «Коммунизм у власти вскоре оказался хорош для еврея, но плох для евреев» (с. 634).

Русская революция являлась политической национальной и социальной. Автор статьи о Закавкзье Р. Г. Суни рассмотрел, как происходили революционные процессы в Грузии, Азербайджане и Армении от провозглашения независимости до вхождения в состав СССР.

Статья О. Аренс и Э. Эзергайлис посвящена событиям 1917—начала 1918 г. в Латвии и Эстонии и почему-то названа главой. Поскольку работы на основе, которых написана статья для Критического словаря, создавались в 70-х —начале 80-х гг. прошлого века, то несут отпечаток западной историографии того времени. Так, например, об одном из латышских полков авторы пишут: «9-й Латышский полк был известен как одна из самых свирепых воинских частей на службе Кремля»(с. 649). По-видимому, это и есть тот пример объективности и непредвзятости, который декларировался в предисловии к Критическому словарю.

Весьма любопытным выглядит и заявление авторов о том, что «Германская оккупация Эстонии помогла эстонским дипломатам уже в марте добиться признания де-факто независимости Великобританией и Франции» (с. 651). Интересно откуда взялась эстонская дипломатия во время немецкой оккупации. Вообще- то дипломатия должна выступать от имени правительства, которого при немцах не было и в помине. К тому же в марте 1918 г. судьба Первой мировой войны ещё не была решена. Говоря о становлении государственной независимости Латвии и Эстонии после поражения Германии и эвакуации немецких войск, авторы ничего не говорят о той роли, которую сыграли в Эстонии финляндские добровольцы и английский флот и поставки вооружения для эстонской и латыш-

ской армии, а также поставки продовольствия со стороны Американской администрации помощи.

Из поля зрения авторов выпали такие серьёзные работы, как «Революция и гражданская война в Эстонии», «Иностранная военная интервенция в Прибалтике 1917 – 1920 гг.», основанные на глубокой проработке архивного материала и ряд других исследований.

Отдельная статья словаря, написанная Э. Вудом, посвящена Сибири. На наш взгляд Сибирь, Дальний Восток такие же губернии Российской империи, как и губернии её центральных частей. Некоторые социально-экономические особенности, конечно, присутствовали, но все основные процессы, происходившие в России, касались всех её областей. Говорить о Сибири, как о колонии и вовсе не разумно (с. 654). Автор почему-то считает, что «Сибирское общество в целом не столь резко делилось на классы, как в Европейской России», но никаких доказательств по этому поводу не приводит (с. 654). Правда на следующей странице он пишет: «Хотя сибирское общество едва ли было однородным» и далее признаёт «революция и Гражданская война открыли ящик Пандоры глубоких разногласий и вражды» (с. 655). А до этого этих явлений вроде бы и не было.

По мнению Э. Вуда, в Сибири имелась весьма слабая социально- экономическая база «для устройства марксистской «пролетарской социалистической революции». В связи с этим у автора вызывает удивление быстрое распространение Советской власти в Сибири (с. 654, 656). Вместе с тем падение власти большевиков в Сибири и на Дальнем Востоке он справедливо связывает с высадкой японского десанта во Владивостоке в апреле 1918 г., а затем появление там войск США, Англии, Франции, Канады, и восстанием Чехословацкого корпуса в мае. Иностранная интервенция стала мощной поддержкой антибольшевистских сил (с. 657).

Повествуя о восстании чехословацкого корпуса, Вуд ничего не говорит о роли Англии и Франции в его подготовке, заостряя внимание на приказе Троцкого о разоружении корпуса (с. 657). Автор справедливо отмечает, отсутствие сплочённости в рядах «демократической контрреволюции»и ставит под сомнение её «демократичность» (с. 658).

На смену Уфимской директории, после военного переворота в Омске, пришёл адмирал А. В. Колчак. Характеризуя отрицательные черты адмирала, автор говорит, что он был «видимо привержен к алкоголю и наркотикам» (с. 659). Однако прямые доказательства, уличающие его в этих пороках, отсутствуют.

Помимо плохого управления колчаковской администрации, главной причиной поражения белых Вуд называет отсутствие массовой поддержки населения. И вместе с тем автор не перестаёт удивляться, как при опыте белых офицеров, интервенции в поддержку антибольшевистских сил, враждебности большинства сибиряков российской метрополии, победу одержала Советская власть (с. 662).

Несомненный интерес представляют революционные события в Средней Азии. Главный постулат статьи М. Б. Олкотт состоит в том, что Средняя Азия это регион колониального контроля, а большевики это новые колонизаторы. А дальше всё строится по известной схеме: антихристы большевики и несчастые народы, которых они покоряли.

Рассматривая деятельность казахского образования Алаш-Орда, Олкотт пишет, что она имела немало сторонников среди местных казахов, а несколькими строчками ниже говорит: «Однако не все казахи признали власть Алаш-Орды»(с. 666). Подобный примерный подход абсолютно не допустим в исторической работе, как и сослагательное наклонение. Так, она пишет, что победа белых не давала особых оснований говорить, что казаки выступят против Алаш-Орды, хотя они и не признавали её власть « и вполне бы могли стерпеть самоуправление казахов» (С. 666). А могли и не стерпеть.

Рассмотрела М. Олкотт и события революции в Туркестане, населённом узбеками, таджиками, туркменами и киргизами. По её мнению, туркестанцы не желали управляться русскими, ради своекорыстных интересов России и вступили в борьбу с русскими, забывая о непростых отношениях между перечисленными народами. Большевистская революция, по её мнению, создала « Новый политический климат, с враждой между русскими и туркестанцами» (с. 668). Обращение « Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», переведённое на местные языки и опубликованное в виде листовки, было выпущено от имени Совнаркома, а не В. И. Ленина и И. В. Сталина. То, что местные большевики не всегда исполняли постановления центральной власти, говорит, прежде всего, о её слабости. Когда автор пишет, что местным большевикам всюду мерещились буржуазные националисты-мусульмане, тем самым она отрицает их существование, то есть очевидное (с. 668).

Странным выглядит и заявление М. Олкотт о том, что поскольку у большевиков не хватило сил подчинить себе население, то они смогли подорвать основные экономические и социальные институты Туркестана (с. 669), а вот на это сил хватило.

Рассматривает Олкотт и такое явление, как басмачество. Называя басмачей борцами за веру, движением сопротивления. Весьма стыдливо автор пишет о помощи, которую получали борцы за свободу: « почти не имели поддержки от белых, а британцы оказывали лишь минимальную военную помощь через Красноводск <…> и практически ничего не поставляли через афганскую границу» (с. 670). Чем же тогда с 1919 по 1924 гг. воевали басмачи? По-видимому, оружие и боеприпасы борцам за веру поставлял Аллах. В таком случае её заявление о том, что к январю 1922 г. В. И. Ленин и И. В. Сталин признали полную утрату контроля над ситуацией в Туркестане повисает в воздухе. Следовало бы также указать и источник этой информации.

Следующим вопросом, который рассматривает М. Олкотт, стал вопрос об организации управления на «завоёванной» территории. Здесь автор обращает внимание на противоречия, которые возникли между московскими и туркестанскими коммунистами о методах построения социализма в крае. Конфликт возник из-за желания создания тюркской компартии для руководства тюркской республикой. Естественно, что В. И. Ленин, как основатель интернациональной по духу коммунистической партии сразу заподозрил в этой инициативе создание партии по национальному признаку и отверг её, также как и создание Тюркской республики из конгломерата народов населявших Туркестан.

Заключает изучение национального вопроса весьма взвешенная статья М. фон Хагена «Украина». Автор, прежде всего, сформулировал три главных тезиса по украинскому вопросу. Во-первых, он отметил, что как русское императорское правительство, так белое движение и большевики рассматривали территории, на которые претендовало украинское национальное движение, как составную часть России, а украинское население как ветвь славянской семьи наряду с великороссами и белорусами. Во-вторых, украинское национальное движение рассматривало эти земли и население как особые в пределах восточной Европы. Однако внутри движения имелись глубокие разногласия о политическом будущем от автономии до независимости (с. 675). В-третьих, Хаген обращает внимание на международную составляющую вопроса. По его мнению, Австро-Венгрия, Германия и польское национальное движение рассматривали Украину как бастион для отражения опасности со стороны России, без различия её политического строя.

Автор также приходит к выводу о том, что традиционные элиты Западной и Центральной Европы противились преобразованию велико-

державной политики и не одобряли принцип национального самоопределения, как в трактовке В. Вильсона, так и В. И. Ленина. Поэтому Хаген предлагает рассматривать революцию на Украине, как часть истории Российской революции, истории Украины и в целом Восточной Европы 1914 – 1923 гг. (с. 676).

Перестройка имперской национальной политики после Февраля 1917 г., по мнению фон Хагена, вышла из-под контроля либералов и умеренных социалистов. На Украине Центральная Рада стала центром реформирования империи по демократическому и федеративному пути (с. 677). Вместе с тем благодаря неустойчивым политическим коалициям на Украине петроградским политикам удавалось находить местную поддержку своей политике.

Фон Хаген сделал также важное наблюдение, согласно которому солдаты сыграли важную роль во всех протоправительствах, претендовавших на власть на Украине (с. 678). Он также весьма объективно показал борьбу украинских группировок за власть, которая во многом помешала становлению единой Украины. Этому процессу помешала и позиция великих держав на Парижской мирной конференции, удовлетворивших притязания Польши на Галицию и Западную Украину и не признавших Украину в качестве государства (с. 681, 682).

Резко отрицательно к украинской независимости относился и генерал А. И. Деникин. Он отказывался признать существование украинской нации, запретил использовать украинский язык, считал, что украинцы малороссийская ветвь русского народа.

Отсутствие на Украине сильного центрального правительства привело к «триумфу атаманщины» и установлению царства беззакония и насилия. Хаген также подчёркл, что и Советская власть извлекла уроки в борьбе за Украину и после 1920 г. начала официальную поддержку украинского языка и культуры, этнические украинцы стали выдвигаться на общественные должности.

Завершая размышления над более чем семисотстраничным трудом хочется вспомнить строчки из романа А. С. Пушкина «Евгений Онегин», там, где описывается появление главного героя в театре: «…потом на сцену

В большом рассеянье взглянул,
Отворотился – и зевнул,
И молвил: «Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел».

Сведения об авторе рецензии

Смолин Анатолий Васильевич — доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета.

E-mail: a.smolin@spbu.ru; smolin1947@yandex.ru

Information about the author of review

Smolin Anatoliy Vasilievich — Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Modern and Contemporary History, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: a.smolin@spbu.ru; smolin1947@yandex.ru